Нелюдь

Автор:
Ульяна Соболева

Нелюдь

Ульяна Павловна Соболева

Когда я увидела его впервые, он мало походил на человека и, скорее, напоминал дикого зверя по кличке Бес, запертого в клетке, записанного в документах как подопытный нелюдь №113. Так его называли охрана и мед персонал секретной лаборатории научного центра под руководством профессора акушерства и гинекологии Ярославской, занимающейся исследованиями в области генной инженерии. Моей матери. Он стал любовью всей моей жизни, а я для него – способом вырваться на волю, чтобы потом вернуться и люто расправиться со всеми, кто удерживали его в неволе… и со мной в том числе.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: В романе присутствуют сцены насилия физического, сексуального и психологического. Как между главными героями так и в целом в сюжете. Вольная интерпретация ЛЗГ10. Практически не похожая на оригинал, кроме самой идеи и некоторых нюансов. Первая книга дилогии.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Нелюдь

Пролог

-Бес…Ну, Бееес, – женский голос заставил оторваться от экрана и склонить голову к ярко-накрашенной блондинке, с соблазнительной улыбкой водившей тонким пальчиком по моему колену, – хватит пялиться на экран, ты ведь не для этого купил все билеты в этом зале, м?

Ухмыльнулся, притянув за подбородок к себе смазливое личико с полными губами, блестевшими ярко-красной помадой. Большим пальцем надавил на нижнюю, и девочка послушно открыла рот, втягивая мой палец и игриво прикусывая его белоснежными зубками.

– А зачем мы сюда приехали, куколка? – очень удобно называть женщин всеми этими приторно-сладкими прозвищами. Так, по крайней мере, не нужно обременять себя запоминанием их имён. Впрочем, я не утруждался даже запоминанием их лиц.

Её глаза прикрылись от удовольствия, когда я скользнул ладонью под подол короткого розового платья, обтянувшего соблазнительное тело словно вторая кожа. Когда-то мне было интересно, в какой момент закончится их фальшивое удовольствие и начнется работа. Потому что вряд ли можно наслаждаться сексом с таким уродом, как я. Богатым уродом. Влиятельным уродом. Неожиданно отхватившим жирный, мясистый кусок у суки-судьбы. Уродом, который для таких, как эта продажная куколка, теперь царь и бог. Сейчас мне уже по хрен, что они там изображают рядом со мной или подо мной. Если у меня на них встал, значит, меня всё устраивает. А их устроит оплата или статус моей шлюхи, который дает некоторые привилегии, пока мне не надоест и не появится другая.

– За этим, – не шёпот, а почти стон, и ухоженные пальчики обхватывают мой член сквозь ткань брюк.

Коснулась языком моего пальца, и тело прострелило разрядом возбуждения. Пожалуй, можно было бы до начала фильма устроить себе расслабляющие процедуры…с её ртом.

Я допустил ошибку, перевел на мгновение взгляд к экрану. Я увидел лишь мельком. Но этого оказалось достаточно, чтобы отстраниться от девки, оставив её изумлённо хватать воздух открытым ртом. Достаточно, чтобы дернуть ворот

чёрной рубашки, чтобы унять предательскую дрожь в пальцах. Нет, не от возбуждения. Точнее, уже не от возбуждения к шлюшке, сидевшей рядом. Она тут же для меня исчезла, испарилась, превратилась в ничто, кем по сути для меня и являлась.

– Бес? – непонимающе. Почти возмущённо.

Сжал пальцами её затылок, заставляя замолчать. Потому что сейчас я хотел, чтобы она просто заткнулась и не мешала, не портила своим голосом картинку, не раздражала суррогатом. Сейчас я смотрел на то, ради чего мы на самом деле приехали сюда.

Остолбеневший, словно в первый раз…но ведь у нас всегда так с ней. С той, которая смотрела прямо на меня с огромного экрана, и я чувствовал, как задрожал каждый нерв от этого светло-зелёного взгляда.

Да, не замерло сердце, не разорвалось в бешеном танце, не пустилось вскачь. Просто завибрировала каждая клетка на теле, как дрожит стекло от оглушительных аккордов музыки. Нарастающими битами. Пока что вступительными, но уже бьющими по венам адским всплеском адреналина и предвкушения.

И, нет, моё сердце не бьётся быстрее. Я вообще не знаю, бьётся ли оно. Потому что нет больше никакого сердца. Оно осталось там. На тёмном дне её лживого взгляда. Осталось пульсировать фантомной болью, отдающейся резонансом в моей пустой груди, каждый раз, когда она смотрела на меня с той стороны экрана. Каждый раз, когда накрывало осознанием, что не только на меня, но ещё и на миллионы других людей. Потому что недостоин того, который был бы для меня одного. Потому что для неё никто. Ничто. Нелюдь. Не людь…

Да и этот психоз – не любовь давно. Невозможно любить без сердца. Только подыхать от больной, тягучей, как вонючая и грязная трясина, одержимости, потому что ржавой занозой въелась в мозг, под кожу. Въелась и травит каждый день. Каждую ночь. Часами, сука, травит, месяцами, годами. Бесконечно, мать её!

Сжал пальцами подлокотники кресла, затаив дыхание, когда она улыбнулась кому-то в фильме. Ничего. Я напомню тебе о себе. Я вырежу своё имя на твоём сердце, даже если для этого мне придётся разорвать твою грудную клетку голыми руками. Я смою твою улыбку «для всех»…ты будешь улыбаться или для меня, или не улыбнёшься больше никогда в жизни.

Кем бы я ни был…ты всё равно остаешься моей. Клятвы не берут обратно. Клятвы – это кривые гвозди, которыми ты намертво прибита ко мне. Как твой Иисус к кресту. Я твой крест…Молись, моя маленькая Ассоль, игра уже началась, но твоих ходов в ней не будет.

Рывком наклонил притихшую шлюху к своему паху, удерживая за затылок и расстегивая ширинку другой рукой, продолжая смотреть остекленевшим взглядом на экран, и стиснул челюсти до хруста, когда голова блондинки ритмично задвигалась вниз-вверх как раз в тот момент, когда умопомрачительно красивая зеленоглазая женщина на экране начала сбрасывать с себя одежду…С-с-сука! Опять для всех!

Глава 1. Бес. Ярославская

1970 – 1980-е гг. СССР

– Мама! – Тоненький громкий голос заставил женщину в мерзких перчатках обернуться. Я ненавидел, когда ко мне прикасались. Меня дико раздражало ощущение резины на моей коже. И выражение брезгливости на их лицах. На лицах всех, кто дотрагивался меня. Даже если они делали это подошвами ботинок. Тогда было больнее, конечно. Но почему-то гораздо более унизительным мне казалось лежать перед женщиной с аккуратно уложенной в пучок прической и строгими очками на лице. Свет тусклой лампы отражался от них и почему-то слепил глаза, и я всегда в такие минуты думал о том, что когда-нибудь сорву их с её высокомерного лица и вобью в идеальный, искривлённый в презрении рот, до самой глотки, чтоб видеть, как по подбородку потечёт кровь и во взгляде появится удивление.

Да, однозначно валяться тут перед ней было унизительнее. Может быть, потому что я понимал – если посмею наброситься и на эту суку, мою маму убьют. Так же, как её детей. Настоящих детей.

Да, я называл про себя волчицу матерью. Волчицу, у которой эти твари отобрали детенышей, подсунув ей меня. Одна из женщин, которой повезло не умереть от нескольких прерванных на поздних сроках беременностей, рассказывала мне, что эта волчица оказалась гораздо человечнее ублюдков, кинувших месячного младенца в вольер с диким зверем.

Попрощавшись душераздирающим воем с потерянными волчатами, она облизала меня и приняла как своего собственного ребёнка. Потом не раз она будет бросаться на охранников, приходивших за мной, будет до последнего защищать своего единственного детёныша, позволяя наносить себе такие увечья, после которых приходила в норму неделями. А со временем уже я бросался на мразей, защищая мать и себя, кусаясь и рыча, хватаясь зубами за толстые ляжки и не размыкая челюстей, даже когда на спину хаотично сыпались удары дубинок.

Они называли меня зверёнышем, и я стал им. Они называли меня сволочью, и я с удовольствием доказывал им, что они правы. Они называли меня нелюдем, и я с готовностью убил в себе всё от человека и готов был рвать их зубами и жрать их мясо.

Подонки на двух ногах ассоциировались у меня с исчадиями самого настоящего зла, а встававшая между мной и этими уродами волчица – с самым светлым, что было в моей жизни.

Под проклятия обессиленных женщин меня заносили полутрупом в вольер после очередных исследований границ боли или сеансов терапии, от которых я срывал горло в криках, и я верил, что страдания на сегодня закончились, только когда чувствовал, как утыкается в мою шею холодный нос, и как ложится рядом большое и горячее мохнатое тело. Я закрывал глаза, вдыхая запах её шерсти и с благодарностью окунаясь в чувство безопасности, которое накрывало меня рядом с ней, и до потери сознания повторял «мама», пока шершавый язык слизывал следы крови и слёз с моего лица и тела.

Я услышал это слово от той самой женщины. Она представилась Ольгой и говорила, что я похож на её сына, оставшегося где-то в деревне, из которой она

приехала в столицу в поисках лучшей жизни. Как она оказалась в этом проклятом месте, женщина не рассказала, по её словам, в моей жизни было и так слишком много грязи и боли, чтобы пачкать остатки моей детства ещё и этой историей.

По ночам Ольга любила гладить себя по круглому животу и напевать какие-то песни. Смысла многих её слов я не понимал. Но мне так нравилось звучание её голоса в тишине лаборатории, что я ложился у самой решётки и, положив голову на руки, закрывал глаза, вслушиваясь в тихую мелодию и представляя, что эту песню поют для меня. Каждое своё выступление она заканчивала ласковыми прикосновениями к животу и говорила, улыбаясь:

– Мама любит тебя, малыш. Что бы ни случилось с нами, знай, мама тебя любит и будет рядом до последнего.

Почему-то я тогда решил, что «мама» – это самое важное, самое дорогое, что может быть. И чего у меня не было. Что-то сокровенное, ведь она пела только по ночам и только своему животу…или тому, кто в нём был. Что-то бесконечно доброе. И что умеет любить, несмотря на страх перед неизбежным.

Я ложился рядом со своей мохнатой «мамой» и, обнимая за мощную шею, до самого утра лежал с открытыми глазами, фантазируя о том, что когда-нибудь мы оба вырвемся из этого Ада и заберём с собой всех тех несчастных, чьи стоны давно стали привычным шумовым фоном нашего общего «дома». О том, что когда-нибудь в этой лаборатории начнут раздаваться совершенно другие голоса…другие мольбы, и эти новые стоны зазвучат гораздо громче и будут полны адской боли, потому что я наполню их такой агонией, от которой вибрировать будет даже воздух. И громче всех будет орать сука-профессор.

А сейчас я остолбенел, услышав, как это самое слово сказали монстру в очках без оправы. Тому, кого боялись даже высокомерные врачи-мужчины нашей тюрьмы. Тому, кого я ненавидел каждый день из своих тринадцати лет жизни. Я просыпался не с чувством голода, а с чувством ненависти к этой женщине со стальным голосом и светлыми волосам, с абсолютным безразличием выносившей приговор. Без разницы кому. Женщинам, их детям, мне или моей матери.

Я засыпал с чувством всепоглощающей ненависти…Иногда оно смешивалось с отвращением…в те дни, когда в маленький проём вольера кидали еду для моей волчицы. Я садился на пол спиной к ней, закрывая рот и нос рукой и стараясь не вдохнуть тошнотворный запах смерти, пока она с громким хрустом и чавканьем разрывала клыками и жадно поглощала маленькие посиневшие трупы младенцев.

Я не знал, убили ли эти мрази детей сами, или те умирали при родах, но я обещал себе, что отомщу за каждую смерть, которая произошла на моих глазах. За каждую смерть, при звуках которой я вздрагивал, покрываясь холодным потом омерзения и страха от осознания, какие нелюди нас окружали. Они называли таковыми нас…но ни в одном из этих зверей не было и толики человечности. Они призывали меня смотреть на то, как расправляется моя волчица с маленькими трупиками, отпуская злые шутки. Хотя сами недостойны были даже рядом стоять с этим сильным животным. Прежде меня, совсем ещё ребенка, конечно, шокировало, когда та, которой я доверял безоговорочно, бросалась на человеческое «мясо»…пройдёт время, и я пойму, что иногда для того, чтобы суметь выжить и обеспечить защиту своей семье, можно становиться каким угодно зверем и рвать на части кого угодно. Она это делала ради меня…потому что я бы без нее не продержался.

От неё пахло какими-то духами. От профессора, как они называли её. Я же ощущал только вонь смерти, когда эта мразь приближалась ко мне. Я бросал ей вызов, вставая прямо перед дверью вольера под недовольное и предупреждающее рычание мамы, а монстр складывала руки на груди и, глядя мне прямо в глаза, называла своей помощнице ряд процедур, которым должны будут меня подвергнуть. Иногда мне казалось, что лучше бы эта сука приказала убить меня. Неважно как: быстро или садистски долго, пусть даже разрезая на мелкие части…Я мечтал умереть и прекратить эти мучения, только бы не просыпаться каждое утром с вопросом самому себе – переживу ли я этот день. Но стоило закрыть глаза, и я видел перед ними вереницы женщин, десятки…десятки женщин и младенцев, умерщвлённых ради целей этой амбициозной стервы…я видел разбитую челюсть свой матери и подпаленный бок, после того, как эти нелюди отгоняли её от меня пылающими палками. А ещё я видел самодовольный, полный превосходства взгляд этой сучки и понимал, что не имею права на эту слабость. И я стискивал зубы, запихивая свои желания в зад, и распахивал глаза, не позволяя смерти утянуть в свою тьму.

Я запомнил все имена. Я не умел писать. Я еще не умел разговаривать, и не понимал смысла многих звуков. Но эти имена…эти фамилии стали для меня аккордами реквиема. Мелодией смерти, которую я обещал сыграть по каждому из них. Особенно по профессору. Для неё я приготовил самую долгую и самую оглушительную мелодию

***

– Что ты тут делаешь? Я же говорила, что тебе сюда нельзя!

Монстр быстро вышла из моей камеры и подошла к маленькому существу в какой-то странной яркой одежде, настолько яркой, что у меня от этой непривычной феерии цвета едва не заболели глаза.

– Ой, мама, а кто это?

Существо удивлённо смотрело то на меня, то на волчицу, ощетинившуюся и оскалившуюся на них.

Профессор остановилась возле существа, но в это время входная дверь громко хлопнула, и в коридоре появилась запыхавшаяся работница.

– Ангелина Альбертовна, простите меня, – она заламывала руки, еле сдерживая всхлипывания, – Я только отвернулась, чтобы ответить на звонок, и она…девочка убежала.

Его так зовут? Это существо? Девочка?

Я вскочил на ноги, когда она подошла ко мне и приложила маленькую, совсем крошечную ладонь к стеклу и посмотрела на меня, смешно открыв рот.

– Привет. Я – Ассоль. А ты кто?

– Аля! Немедленно вернись.

Голос монстра заставил её обернуться. И я возненавидел эту тварь с удвоенной силой. За то, что забрала у меня внимание этой…девочки. Потом я стану ненавидеть любого, на кого будет обращён ее взгляд, любого, на кого будет направлен её интерес, любого, кто посмеет приблизиться к ней. Потом я начну захлёбываться в болоте ненависти и злости на весь мир. Из-за неё. А тогда я сам не понял, что влез в это болото сразу по колени. Просто стоял и наблюдал, как заворожённый, не смея отвернуться.

– Как тебя зовут?

Она снова посмотрела на меня, нетерпеливо топая маленькой ножкой. А я…я пожал плечами и приложил ладонь к тому месту, где была её рука.

– Аля!

Девочка отступила от меня назад, с каким-то сожалением проведя через стекло по моим пальцам, и шепнула торопливо:

– Я-Ассоль! И я вернусь к тебе. Ты жди.

Мне вдруг стало грустно, что девочка с двумя косичками отняла руку от двери, и я автоматически сжал ладонь в кулак, чтобы сохранить иллюзию прикосновения.

– Я вернусь. Ты мне веришь?

Не знаю, почему я тогда ей кивнул. Не знаю, почему, но я тогда ей поверил. Со мной до неё никто ТАК не говорил и на меня никто ТАК не смотрел. Без ненависти и презрения. Может быть, я поверил ей, потому что впервые увидел солнце, вспыхнувшее в чьих-то глазах, обращенных на меня, и до отчаяния захотел ощутить его тепло.

***

Ангелина Альбертовна брезгливо стянула с ухоженных рук перчатки и быстрым и сердитым шагом последовала к выходу из лаборатории, уверенная, что Аля

последует за ней.

Она предпочитала не отчитывать свою единственную дочь при посторонних. Благо та давала не так часто поводов для подобных мыслей.

Более того, сегодняшнюю активность обычно спокойной и послушной девочки Ангелина Альбертовна списала на её огорчение смертью отчима.

Профессор сжала пальцы. В своё время она променяла обоих своих мужей на блестящую научную карьеру, а те нашли своё утешение в Але. Ассоли, как называли ее они оба. Ярославская недовольно поморщилась. Нет, однозначно нужно поменять свидетельство о рождении дочери.

Это же надо было додуматься так назвать ребенка! Если бы знала, что покойный первый муж, биологический отец дочери, совершит подобную глупость, то прямо из роддома бы сама направилась в ЗАГС и потребовала бы записать дочь так, как когда-то хотела, Алиной.

Начитался романтичных историй и ими же забил голову дочери. Если бы знала молодая, но не в меру честолюбивая, Ангелина Виноградова, каким мягкотелым и нежизнеспособным в окружающем мире жёсткого соперничества за место под тусклым солнцем партийной элиты станет казавшийся великолепной партией Павел Мельцаж. Поляк по отцу, он работал и жил в Белоруссии, но окончил университет в Москве и остался там ради самой красивой и самой амбициозной девушки ВУЗа Ангелины.

Он называл её своим Ангелом. Он обещал ей показать полмира и всю луну, а корыстолюбивая девушка больше ценила двушку его бабушки в одном из крупных городов в Союзе, куда они после свадьбы и переехали, благополучно отправив старенькую бабку в Белоруссию к отцу Мельцажа, естественно, по настоянию молодой жены.

Потом они поменяют небольшую квартирку в старом районе на вместительную четырёхкомнатную, казавшуюся хоромами, обставят модной зарубежной мебелью и будут принимать только нужных и полезных гостей в своём новом жилище.

Долгие прогулки по вечерам, которые так любил Павел, сменят многочасовые работы в исследовательском центре и изучение набиравших тогда популярность работ по исследованию плаценты в сфере повышения реактивности организма. Он приглашал её встречать закат на теплоходе, а она отправляла его жарить картошку на ужин, так как сама практически до ночи пропадала в центре.

Он злился на неё за её отсутствие в своей жизни, а она была разочарована отсутствием у него амбиций. Рождение дочери подарило им обоим то, что они давно хотели: Павлу – объект, на который он направлял всю свою любовь и заботу, а Ангелине – возможность спокойно работать без оглядки на вечно недовольного мужа. Она вышла на своё место уже через шесть месяцев после родов, каждый день из которых провела с мыслью о том, что теряет такое важное, драгоценное время на ребенка, которого, как она сама считала, всё-таки слишком рано родила.

Когда девочке исполнилось три года, Павел умер от алкогольной интоксикации. Ангелина тогда выдохнула, так же, как и сейчас, с известием о смерти благоверного ощутив, как спали оковы собственной совести, сжимавшиеся вокруг её шеи с каждым произнесённым «нет» и «мне некогда».

Впрочем, и второй суженый профессора оказался под стать Мельцажу – такой же мягкий и невыразительный. Поначалу он мечтал о совместных детях, но был вынужден практически в одиночку растить дочь супруги. Со временем Ангелина всё чаще стала замечать, что муж не просто из вежливости либо жалости читает Ассоль (он упорно продолжал называть её так, несмотря на то, что знал о том, как это имя раздражало Ангелину…а, может, именно поэтому), а получает удовольствие, рассказывая маленькой девочке сказки братьев Гримм или читая по памяти Пушкина. К пяти годам Аля уже вовсю звала Олега папой, а тот гордился этим, представляя девочку на приёмах, как собственную дочь.

Испытывала ли Ярославская хотя бы толику ревности, присущей любой матери, к этим двум мужчинам? Никогда. Скорее, облегчение и тихую благодарность за то, что у неё была возможность спокойно отдавать себя тому делу, что она действительно любила и ценила всей душой – науке.

– Мама, это кто? – звонкий голос дочери отвлек от воспоминаний, – тот мальчик в камере.

– Это не камера, Аля, – поправила машинально, подходя к тяжёлому окну и дёргая на себя ручку, – твоя мама работает не в тюрьме, а в больнице. Значит, это палаты, а не камеры.

– А он чем-то болен? – девочка испуганно придвинулась ближе.

– Нет, он ничем не болен.

– Совсем-совсем ничем?

– Совсем.

– А зачем тогда держать взаперти здорового человека?

– Это моя работа, Аля.

– А что ты с ним сделаешь?

– Я его исследую. Я же как-то тебе показывала, помнишь?

– Ты показывала мне, как ты исследуешь лягушку. Ты разрезала её, и мы наблюдали за ней в микроскоп, – девочка закрыла ладошкой рот, её глаза широко распахнулись, – ты его тоже разрежешь?

– Ну что ты, – Ангелина Альбертовна тяжело выдохнула, думая о том, что если понадобится, то будет резать лично наживую любого из своих подопытных, – я не причиню ему вреда, он здесь для других целей.

– Для каких? – Аля подошла к матери и обняла тонкими ручками за пояс. Ярославская поморщилась – она терпеть не могла тактильные контакты.

– Для очень важных.

– Папа умер, – девочка вдруг напряглась, пряча голову на животе матери, и та растерянно подняла руки, раздумывая, стоит ли обнять ребенка. Обычно чем-то подобным занимались её отцы, не мать. Впрочем, если бы она уделяла время

подобным глупостям, то не стала бы тем, кем стала сейчас.

– Люди рождаются и умирают. Это нормально, – всё же решилась положить ладонь на темноволосую головку.

– Не нормально! – Аля вдруг оттолкнула её от себя, и профессор разочарованно вздохнула, увидев в светло-зеленых, так похожих на её собственные, глазах ребенка слёзы, – Не нормально, что самые хорошие люди уходят…Не нормально, что тебе всё равно!

Неизвестно, каких бы масштабов достигла назревавшая истерика дочери, но телефонный звонок заставил ребенка замолчать. Ярославская отвернулась, чтобы не видеть дрожащих губ, искривлённых гримасой боли.

– Слушаю. Да, Валентин. Начинайте. Я сейчас спущусь. Нет. Всё нормально. Не переживай. Я нашла ему замену. Нелюдь 113 подойдёт. Нет, не молод. В самом подходящем возрасте для первого раза.

Глава 2. Ярославская. Ассоль

1970 – 1980-е гг. СССР

– Ангелина Альбертовна, вас к телефону, – тихий шёпот лаборантки испуганно замолк, как только светло-зелёный взгляд профессора обратился к ней. Она нервно стиснула пальцы, не решаясь поднять глаза к лицу начальницы, и, дождавшись молчаливого кивка, с видимым облегчением вышла из помещения лаборатории.

Ангелина Альбертовна последовала за ней, напоследок взглянув с сожалением на подопытную и отмечая у себя в голове необходимость отдать распоряжение Валентину созвониться с поставщиком для получения очередной партии простагландинов. Стоны женщины, лежавшей на вылинявшем дырявом пледе прямо на полу камеры со стеклянной дверью сопровождали негромкое цоканье аккуратных каблуков профессора.

Она обхватила изящными длинными пальцами телефонную трубку, машинально сканируя взглядом рабочий стол в поисках своей рабочей тетради.

– Ярославская слушает.

– Ангелина Альбертовна, это Дмитрий Ильич, – лечащий врач её мужа замялся на том конце трубки, и профессор облегчённо выдохнула, догадавшись, какую новость он хотел ей сообщить.

– Когда? – без лишних расспросов, без деланно-сентиментальных охов и вздохов. Конкретный вопрос, на который она ждала ответа, разглядывая свои аккуратно стриженые короткие ногти и думая о том, что придётся, как минимум, пару недель теперь обходиться без покрытия, соблюдая траур. Жаль. Она никогда не красилась, будучи обладательницей достаточно яркой внешности и позволяя себе лишь слабость баловаться самыми разными оттенками лаков из-за катастрофической нехватки времени на что-то большее.

– Сорок минут назад, – доктор деликатно закашлялся и, прежде чем он глубоко вдохнул, чтобы начать свою традиционную речь, которую, наверняка, придумал лет тридцать назад ещё на восходе своей профессии и с тех пор менял в ней только имена и даты, профессор сухо попрощалась с ним, пообещав отправить кого-нибудь за телом мужа, который уже несколько месяцев лежал в онкологическом отделении центральной областной больницы.

Положила трубку и, возвращаясь к подопытным, на ходу записала: «позвонить змее». Пусть свекровь сама занимается похоронами сына. Ярославская заплатит, и это самое большее, на что могла рассчитывать старая карга, и что могла сделать Ангелина Альбертовна для этого недомужчины, которому отдала так многое: нервы, неоправдавшиеся ожидания, потерянное время и даже дочь.

Не успела подойти к двери, как снова раздался звонок, и Юлия, та самая лаборантка, вскочила с места, но тут же остановилась, словно вкопанная, увидев, как профессор, невозмутимо направляется к телефону.

Она уже знала, кто мог позвонить. Доктор, наверняка, не ограничился звонком только ей. Более того, Ангелина Альбертовна была уверена – дочери и матери мужа позвонили раньше. Сказать, что это её волновало? Ничуть. Так даже было

удобнее – разобраться со всеми этими глупостями, чтобы, наконец, вернуться к работе. Сегодня нужно было абортировать сразу двух женщин.

– Ярославская.

Громкий всхлип, и профессор скривилась.

– Мама…Папа…папа несколько минут назад…папа, – девочка не могла договорить, она задыхалась от слёз.

– Умер. Я знаю. Что ты хотела, Аля?

– Мамаааа…, – ещё один всхлип, и девочка шмыгнула носом, – он умер, понимаешь? Умер?

– С его болезнью он долго продержался, Аля.

– Как ты можешь так говорить?

– Как профессор медицинских наук и учёный. Аля, если ты хотела сказать что-то существенное, говори. Мне нужно возвращаться к работе. У меня сегодня две операции.

– К какой работе? – девочка вскрикнула так громко, что профессор отставила ладонь с трубкой от уха, инстинктивно отметив про себя, что нужно сделать замечание Юлечке, как её называл Валентин, чтобы больше не надевала эту кофточку с глубоким вырезом. Такими темпами мужчины в лаборатории вспомнят о том, что орган в их штанах пригоден не только для мочеиспускания, и рабочая атмосфера в лаборатории будет безнадёжно нарушена.

– Мне страшно, мама. Мне страшно. Бабушка уехала в больницу. Можно я к тебе приеду?

Если бы Ангелина Альбертовна могла предусмотреть…если бы она могла заглянуть в будущее, она никогда бы не ответила согласием на просьбу своей единственной дочери. Никогда бы не позволила ей даже ногой ступить на территорию исследовательского центра, существование которого являлось

государственной тайной.

Но она вдруг оказалась наедине с ребёнком, которого почти не знала и который только что потерял близкого человека, и не нашла другого выхода, кроме как обещать дочери отправить за ней водителя, а сама со спокойной душой вернулась в лабораторию.

– Чёртова тварь! Держи его…да не спереди заходи, тупица. Сейчас он тебя покусает. Сучёныш! Зверина поганый! Я б ему все зубы повыбивал!

Ангелина Альбертовна обернулась на крики, раздававшиеся в самом дальнем углу длинного коридора с десятками палат по обеим сторонам. Когда-то на них были железные двери. Когда ещё здание было психиатрической больницей. Но уже десятки лет профессор Ярославская с успехом руководила тайным проектом по выделению специальных веществ из плаценты, которые в дальнейшем должны были стать основой так называемого «эликсира молодости».

Крики продолжились, только теперь к ним присоединились маты. Профессор недовольно поморщилась. Всё же это ужасно неприятно, когда людям её положения приходится иметь дело с подобным контингентом. Впрочем, кто-то же должен выполнять грязную работу.

Она медленно шла вдоль прозрачных дверей, за каждой из которых были прикованные цепями к ножкам простых больничных кроватей женщины. Истощённые, худые, грязные. Беременные. Нет, им, конечно, вводились ежедневно все необходимые препараты, призванные восполнить недостаток в витаминах. У них была теплая, хоть и жёсткая, постель и крыша над головой.

По сути, еще несколько месяцев назад эти курицы и мечтать не могли о таком. Бездомные, проститутки, малолетние дурочки, сбежавшие из родного дома. Те, кто ещё недавно отдавался за копейки или талоны на продукты первому встречному. Сейчас их кормили достаточно, чтобы они продержались тридцать недель, так необходимые профессору Ярославской и руководству партии, активно, но тайно спонсировавшему её исследования. Инкубатор. Курицы. Так их она называла про себя.

– Дрянь! Сука! Тварь бесчеловечная! Чтоб ты сдохла! Чтоб у тебя матка вывернулась, мразь! – очередная порция проклятий, сопровождавшаяся лязгом цепей по полу, выложенному дешевым коричневым кафелем.

Ну, девочки не знали, что матку она вывернет им самим, а к ругательствам не то что привыкла, а всегда умела наказать – например, резать без наркоза или показать им, как умирают их отбросы, захлебываясь в чане с водой, а потом рассказать, что она сделает с их маленькими синюшными телами.

Ангелина Альбертовна скептически оглядела худенькую беременную девушку с растрёпанными, давно нечёсаными волосами. Она сама запретила давать расчёски и любые заколки «инкубаторам». После того, как одна из будущих матерей вспорола себе вены зубьями деревянного гребня. Как она умудрилась сделать это, Ярославская так и не поняла, но отдала должное упорству, с которым курица полосовала запястья. Тогда слишком поздно уборщики обнаружили обезумевшую в заключении женщину, и та истекла кровью. Такая же молодая, как и та, что стояла перед профессором сейчас на четвереньках. Почти девочка. Пятнадцать лет. Её обнаружили за два квартала от детского дома, из которого она сбежала, и привезли в лабораторию к Ярославской, которая сочла экспонат заслуживающим внимания.

После проведения нужных исследований и сбора анализов девушку осеменили. Ярославская предпочитала называть этот процесс именно так. Обезличенно. Для неё все те женщины, которые находились по ту сторону дверей, были не людьми и даже не опытными образцами. Они стояли ещё ниже. Всего лишь сосуды, из которых нужно было добывать эти образцы. Живые пробирки. Не более того. О том, что у каждой подобной пробирки были когда-то собственные планы, мечты и сны, Ярославская предпочитала не задумываться. Что значат сотни и даже тысячи загубленных жизней, если миллионы будут спасены? Ничто.

Кажется, именно эта маленькая, грязная оборванка умудрилась тогда поранить осеменителя. Кто-то из охраны не уследил, и дрянь откуда-то достала шариковую ручку, которую и вонзила в горло мужчине, пока он усердно пыхтел на ней. Хорошо, что к тому времени он уже успел оплодотворить её. Но теперь у Ярославской появилась существенная проблема – найти нового самца, который станет донором спермы. И не просто донором, а достаточно выносливым донором, способным исполнять свои функции на нужном уровне. С учётом того, что практически все «пробирки» должны будут опустошить.

– Что уставилась, сука старая? Выпусти меня отсюда-а-а…Выпусти, мраааазь.

Ярославская поджала губы, напоследок окинув девушку презрительным взглядом. Разделённая стеклянной дверью, та всё же бросалась на неё, уже зная, что длина цепи не позволит достичь цели, но не прекращала бесноваться.

– Ненавижу вас! Ненавижууу…Вы – нелюди. Вы все – нелюди!

Величественный поворот головы профессора в сторону ясно продемонстрировал, кого в этом проклятом месте не принимали за людей.

– Да, твою маааать…Лёхаааа…Лёха, он прокусил мне руку.

– Я тебе говорил…придурок. Вот я его сейчас.

Звуки ударов по телу и скулёж животного заглушили дальнейшие проклятия охранников.

К тому времени, как Ярославская подошла к пинавшим кого-то тяжёлыми ботинками мужчинам, волчица, чей вой отдавался в стенах лаборатории зловещим эхом, уже бросалась на дверь и скребла массивными лапами железный замок.

– Что тут происходит?

Спросила негромко, но недовольство в её голосе заставило мужчин отпрянуть от мальчишки, скорчившегося на полу и прикрывавшего руками голову.

– Ангелина Альбертовна, – один из охранников поправил ремень на чёрных штанах, – этот, – едва не сплюнул, с откровенной ненавистью посмотрев на вскинувшего голову вверх и оскалившегося, как зверь, паренька, – бес напал на меня, когда я пытался вывести его на прогулку.

Профессор выразительно посмотрела на изодранный рукав формы охранника, и тот поспешил вытянуть руку вперёд, чтобы наглядно продемонстрировать рану. Ярославская сухо выронила:

– И вы вдвоём не могли справиться с образцом? Два взрослых мужчины с ребёнком тринадцати лет?

Она терпеть не могла сравнивать своих подопытных с людьми. Они ими и не были. Но сейчас ей захотелось ткнуть подчинённых в их некомпетентность. Окинула внимательным взглядом мальчишку: он уже лежал на животе, слегка изогнув спину и подняв голову, внимательно переводил взгляд с неё на охранников. Так, словно готовился к новой атаке. Отметила про себя, что лёжа на полу, избитый двумя взрослыми бугаями, парень выглядел далеко не униженным, а, наоборот, сильным. Гораздо сильнее своих карателей. Конечно, не физически. Но выражение его лица и лихорадочно блестевшие ненавистью тёмные глаза, которые вспыхивали каждый раз, когда он смотрел на говорившего охранника, выдавали в нём достаточно жёсткий характер. Ярославская огорчённо подумала, что проблемы с этим нелюдем – последнее, что сейчас ей необходимо накануне грядущих проверок руководства.

– Да это не ребёнок! Это исчадие ада. Вон…, – второй охранник кивнул на вольер с волчицей рядом с палатой, в которой они все находились, – волчонок он, а не ребенок. Мы его все бесом зовём, потому что…

– Достаточно! – Женщина вскинула руку ладонью вверх, не желая терять драгоценное время на объяснения этого недоразумения, – он не бес. Он-нелюдь. Он образец. Как и все остальные. Не давайте им имена. Только порядковые номера, по которым мы можем различить их документально. Свободны!

Дождалась, пока они выйдут из палаты, и, натянув белые медицинские перчатки, склонилась над объектом №113. Тот затаился, широко распахнутыми глазами следя за ней, подобно хищнику, не прирученному, но инстинктивно чуявшему, что перед ним находится кто-то сильнее и страшнее.

Профессор пропустила пальцы сквозь длинные чёрные волосы мальчика, и отодвинула мочку уха, проверяя, нет ли там повреждений или же паразитов.

Опустила руку по чётко очерченным скулам и тяжёлому, совершенно не детскому подбородку к шее, надавливая на кадык. Она безразлично ощупывала ребенка, так, как проверяют скот, не обращая внимания на его тяжёлое дыхание и напряжённый взгляд, который он не сводил с её руки.

Провела пальцами по бицепсу, слегка сжала предплечье, думая о том, что нашла нового «племенного» быка для своих «сосудов».

Вспомнила, как тринадцать лет назад у одной из женщин начались роды, тогда абортирование проводили на несколько недель позже, чем сейчас, и плод, в отличие от матери, выжил. Профессор как раз начала увлекаться нововведениями в области генной инженерии, на свой страх и риск и втайне от своих коллег проводя эксперименты по скрещиванию людей и животных и внедрению ДНК волка человеку. Правда, пока опыты не приносили положительных результатов, но Ангелина Альбертовна решила оставить темноволосого младенца, родившегося достаточно крепким для своих восьми месяцев. Что было неудивительно – и его биологическую мать, и отца до зачатия плода подвергали различным процедурам, над ними проводили исследования не один месяц. И результат своих многолетних опытов профессор вполне заслуженно посчитала положительным, продолжая скрупулезно изучать уже его.

По совету своего помощника Валентина Снегирёва и для того, чтобы проверить влияние бихевиористских аспектов на становление личности подопытного образца, она приказала обустроить место мальчику в вольере с волчицей, у которой ради этой цели отобрали волчат, оставив единственного выкормыша – нелюдь №113. Да, именно так их предпочитала называть профессор и требовала того же и от всех работников секретной лаборатории.

Так было легче уродовать их и усовершенствовать, калечить, отрезая части тела или же, наоборот, пришивая новые. Так было легче для всех тех, у кого пока ещё оставались крохи той самой совести, когда очередную роженицу везли на каталке в операционную, чтобы вырезать из неё плод, который потом либо отдадут на изучение Снегирёву, либо, если он не подойдет по определённым характеристикам, бросят на корм волчице.

Глава 3. Бес. Ассоль

1970 – 1980-е гг. СССР

Я помню, когда увидел её во второй раз. Помню так, словно это произошло недавно, а не целую вечность назад. Как всё-таки интересно устроена эта сука-жизнь: будучи детьми, люди так торопятся повзрослеть…и жестоко разочаровываются в собственной мечте, потому что, наконец, став взрослыми, неистово желают только одного – вернуться в то самое детство. Вернуться туда, где всё было настоящим и понятным.

Что ж…я отчаянно хотел повзрослеть. Я желал этого, словно обезумевший. В первую очередь, потому что это означало, что я выдержу. Что не сломаюсь раньше, чем смогу сбежать из этого грёбаного ада, в котором существовал сколько себя помнил. Потому что это противоречило любой логике – я должен был сдохнуть ещё в утробе матери, но она отдала свои последние силы мне…и я не имел права относиться к её подарку халатно. Не имел права позволить бездушным тварям в белых халатах растоптать его.

Я помню, когда увидел её во второй раз. И не только потому что каким-то грёбаным чудом я запомню каждую секунду, проведённую рядом с ней. Рядом с девочкой, которая, не спросив разрешения, нагло влезет прямо в мою голову, заполнив собой все мои мысли. С девочкой, которая отберёт у меня то единственное, в чём я до встречи с ней был уверен, что оно принадлежит мне. А она просто протянет руку, чтобы сначала коснуться его осторожно кончиками пальцев, заставив задрожать от первого нежного прикосновения в моей жизни, а затем, крепко обхватив ладонью, резко вырвет его вместе с корнями, оставив кровоточить сосуды. Безжалостно и без раздумий она лишит меня сердца с такой наглостью, будто знала заранее – оно принадлежит ей и никому больше.

Но всё это будет потом. После того, как она воскресит меня, чтобы убить лично. Изощрённая подготовка к смертной казни, которая продлится долгие годы. Всё это будет после…после того, как меня едва не разломают на куски.

Его звали Михаил Васильевич, но охранники звали его Василичем. Невысокий полный мужчина с седыми редкими волосами вокруг внушительной залысины. Он был очень аккуратным и щепетильным во всём, что касалось гигиены. Натягивал перчатки ещё до входа на наш этаж. Так, будто боялся, что его кожу загрязнит даже воздух помещения, в котором содержали подопытных.

Я ненавидел смотреть на эти толстые пальцы, которыми он деловито поправлял очки на носу-картошке или же с выражением абсолютного презрения щупал мой живот, мои руки и ноги. Каждое утро записывая какие-то одному ему известные данные в свой блокнотик.

Знаете, когда человек чувствует себя наиболее унизительно? Не сидя на цепи в вольере, не прикованным к операционному столу и даже не лакая воду из миски и стоя на четвереньках, подобно зверю. Человек чувствует себя наиболее униженным, когда его рассматривают словно животное, заглядывая в рот, короткими пальцами надавливая на зубы и дёсны, раздевают, чтобы отстранённо изучить его тело, периодически склоняясь над своими записями и бормоча непонятные слова себе под нос. Так, словно человек и не человек вовсе, а насекомое. Хотя нас считали хуже них. Нас вообще не принимали за одушевлённые предметы.

До некоторого времени Василич именно так и относился ко мне. Не знаю, сколько лет мне было, когда я начал замечать, как резко начинает меняться дыхание доктора, как он называл себя, когда с меня срывали одежду для еженедельного осмотра. Да, я никогда не раздевался сам. Мне нравилось доводить до бешенства тупых охранников, пытавшихся стянуть с меня мешковатый плащ – моё единственное одеяние. Конечно, я знал, что ублюдки в конечном итоге повалят меня на пол и сдерут проклятую ткань, но я получал нереальное удовольствие, диким зверем вгрызаясь в их ладони зубами, выдирая их жиденькие волосы и разрывая одежду. Потом смотрел на то, как эти сволочи вытирают губы от крови и с ненавистью смотрят на меня, и громко смеялся сам, выплёвывая кровь на чистый, аккуратно выглаженный халат доктора.

Пятна моей крови на рукавах его медицинского халата…так выглядел мой приговор ублюдку, который я привёл в исполнение через некоторое время.

В тот день Василич приказал своим идиотам-подчинённым искупать меня для очередного эксперимента. Меня облили ледяной водой из длинного шланга и,

напоследок кинув какую-то серую ветошь и подождав, пока я укроюсь ею, повели куда-то наверх. Впервые меня выводили из нашего отдела. Когда подвели к лестнице, я остановился как вкопанный, глядя на выбитые на полу странные наросты. Обычно опыты над нами велись в другой стороне лаборатории, настолько близко к самим камерам, что мы слышали крики боли и ужаса каждого несчастного.

– Поднимайся по ступеням, тварь.

Митя, худой и жилистый охранник подтолкнул стволом автомата меня в спину.

– Нелюдь впервые ступени видит, – заржал рядом его напарник, – давай, бес, шевелись, если не хочешь, чтобы я тебя подогнал вот этим, – демонстративно потряс в воздухе коротким хлыстом.

Я медленно поднял ногу, ставя её на первую ступень. Не так страшно, как показалось впервые. Вторая нога вслед за первой, шаг за шагом, туда, откуда проливался яркий свет. Запоминая каждый поворот, каждый пролёт. Прикидывая, в какую сторону должен буду бежать в случае чего. В случае чего именно, я и сам не знал, но, понимая, что хрена с два меня просто выпустят на свободу из этого Ада, был готов ко всему. Я думал, что готов.

Меня вели по длинному коридору с тошнотворно белыми стенами и вонью стерильности, настолько отличающейся от привычного смрада немытых тел, крови и испражнений, витавшего у нас под землёй. Затем мы два раза повернули налево, и снова поднимались вверх, здесь уже были большие окна, сквозь которые настолько ярко слепило солнце, что я остановился, заворожённый игрой его лучей на чистых стёклах. Это было моё первое знакомство с солнцем.

– Шевелись, ушлёпок, – отвратительный смех охранника, захлебнувшийся, когда я резко развернулся, наступив со всей силы ему на ногу и рывком ударив головой в солнечное сплетение. Придурок согнулся, пытаясь вдохнуть открытым ртом кислород, а второй со злости приложил меня прикладом автомата по затылку, и я потерял сознание от резкой боли.

Очнулся на чём-то непривычно мягком. Очнулся с тупой болью в голове и каким-то омерзением. Панического, знаете, такого, который ощущаешь сразу. Кожей, клетками тела, сразу всеми органами чувств. Мозг подключается потом, ты еще не понимаешь, почему, но чувствуешь, как подкатывает к горлу тошнота. И ты начинаешь осознавать, что тебя тревожит. Чужие прикосновения. Ты ощущал их тысячи раз. Отключившись от очередной инъекции или обморока после недельного голода, ты приходил в себя именно от чужих прикосновений на операционном столе. Стискивал зубы, выжидая, когда сможешь открыть глаза и посмотреть в лицо своему мучителю. Они периодически менялись, но ты знал руки каждого из них. Даже в перчатках…

И тут тебя накрывает волной ужаса – ты понимаешь, что не чувствуешь резины. Только тепло чьих-то трясущихся рук, касающихся твоего тела. Мокрых от пота, отвратительно мягких ладоней, толстые пальцы поглаживают твой живот, спускаясь ниже, чужое частое дыхание обдает тебя вонью его обеда.

Я распахнул глаза, чтобы встретиться с маленькими круглыми глазами, с омерзительной улыбкой на блестящих, словно маслянистых, губах доктора. – Тише, мой мальчик, – эта улыбка становится шире, а я смотрю расширенными от испуга глазами на то, как он торопливо расстегивает свой халат, освобождая толстую шею. Пока его ладонь…эта пухлая белая ладонь не накрывает мой член, сжимая его пальцами.

– Большоооой, – он начинает водить по нему вверх-вниз, склоняясь ко мне. И меня срывает. Меня, блядь, срывает от понимания, чего хочет эта тварь. И я сам подаюсь перёд, к его губам. К его отвратительно пошлой улыбке…чтобы вонзиться в них зубами так, что ублюдок начинает выть, пытаясь отшвырнуть меня от себя. Впервые мои руки не стягивает ничего. Впервые приходит понимание, что я сам в ответе за свою жизнь. За своё достоинство. Я видел десятки раз, как насиловали тех невольниц. Видел, как их брали, как над ними дышали так же тяжело и противно, как избивали, превращая в месиво лицо. Видел, как поначалу они боролись, чтобы потом отстранённо позволять себя ломать. Но меня нельзя сломать. Я и есть излом.

Оторвавшись от его противных губ, ударом головы в нос отбросил подонка на пол и оседлал, сжимая бока коленями. В увеличившихся зрачках отражение лица какого-то больного ублюдка с окровавленным ртом, безумно хохочущего, пока мои ладони сомкнулись вокруг шеи Василича. Он вцепился в мои запястья,

пытаясь освободиться и хрипя о помощи, а я смотрел на слёзы, стекающие по натуженному красному лицу и чувствовал, как по позвоночнику проходят судороги удовольствия.

Он стал моим первым. Потом их будет больше десяти. Их станет двенадцать. Один за одним убийц, прикрывавшихся белыми халатами и распоряжениями партийного руководства.

Но это будет потом. А тогда я смеялся. Смеялся громко. Впервые громко и счастливо. Тогда я понял, что я и только я решаю, сдохну или выживу. Его жирное тело всё ещё извивалось в попытках освободиться, когда я услышал торопливый шум ботинок. Наверное, их привлёк мой смех. Но мне в этот момент было плевать. Плевать на то, что после этого меня, наверняка, выпотрошат и кинут мои внутренности волчице. В этот день я впервые увидел солнечный свет. И впервые ощутил контроль над собственной жизнью. Это было больше, чем я имел до того момента.

Имело значение только успеть убить эту тварь. Вскинул руку к столу, возле которого мы извивались на полу, лихорадочно скользнул ладонью по поверхности клеёнки, чтобы едва не закричать от триумфа, когда нащупал маленький нож. Быстрым движением в толстую шею несколько раз подряд, закатив глаза от удовольствия, когда его кровь брызнула мне в лицо.

Я не помню, как меня оттаскивали от тела доктора. Я не помню, куда меня отвели. Не помню, сколько раз терял сознание, пока обозлённые охранники избивали меня дубинкам на заднем дворе прямо на мокрой после дождя земле. Мне по-прежнему было плевать. Я почти не ощущал боли. Только кровь доктора на своей коже, во рту и ощущение в ладонях его содрогнувшегося в последний раз тела.

Я понятия не имею, почему меня оставили в живых. Почему профессор не приказала уничтожить меня за убийство своего коллеги. Но через пару дней меня снова бросили в вольер к маме. И только там, рядом с ней, я смог, наконец, спокойно выключиться. Выключиться, чтобы проснуться через некоторое время от тихого голоса, услышав который я вскочил с кафеля и прильнул к решеткам вольера, не веря своим глазам. Там, по ту сторону стояла она. Склонив голову набок и нахмурив тонкие брови, девочка осмотрела меня, а мое тело дрожью пронзило от этого взгляда. Без профессионального интереса. Без унизительной жалости. Но так, словно ощущала боль, которую испытывал я после жутких

побоев. В ее светло-зеленых глазах заблестели слёзы, как капли дождя, и они стали цвета летней мокрой листвы.

– Ты меня помнишь? Я Ассоль…

***

Многие говорят «я увидела его и влюбилась или пропала, или перестала дышать»… а я увидела его и почувствовала боль. Его боль. Она впилась мне в кожу тонкими иглами и мягко вошла в вены, понеслась вместе с кровью к сердцу и прошила его намертво ржавыми занозами. Потом, спустя годы, он будет дарить мне эту боль в самых разных воплощениях, она раскроется внутри меня, как цветок-рана с рваными краями-лепестками, он раскрасит для меня этот цветок такими оттенками, которым любовь может только позавидовать… Это слово никогда не имело того сокровенного, невозможно жгучего значения, как боль. Потому что она адресна. Она никогда не безлика. Любить можно что угодно и кого угодно, а болеть только одним человеком, болеть за него, болеть из-за него и для него.

Какой изощренно нежной и сладко-горькой, а иногда кроваво-огненной или черной была она с ним, с самой нашей первой встречи, когда увидела черноволосого мальчика, стоящего на четвереньках, и мою мать, возвышающуюся над ним в кипенно-белом халате, но для меня на мгновение она исчезла, как и все, кто присутствовали в лаборатории. Я смотрела на мальчишку, и внутри все защемило от раздирающего чувства, от невыносимого желания закрыть от матери собой и запретить ей трогать его. И не потому, что мне стало жалко. Этот мальчик внушал какие угодно чувства, но не жалость. В его взгляде было столько отчаянной ярости и дерзости, что впору было отшатнуться, как от дикого зверька, опасного и непредсказуемого. А мне почему-то захотелось протянуть руку и пригладить его взъерошенные волосы. Я никогда не забуду, как он рассматривал меня, склонив голову к плечу. Как приложил ладонь туда, где была моя рука, и провожал долгим взглядом словно я какое-то невероятное чудо, которого он никогда в своей жизни не встречал.

В то время я была для него чудом, а он для меня спасением от безграничного одиночества. После смерти папы я осталась совсем одна. Бабушка слегла, и мать определила ее в дом престарелых, который упорно называла госпиталем для

пожилых. Её младший сын разбился на машине три года назад, и бабушка стала жить с нами, продав свою квартиру.

Наверное, именно в те дни я возненавидела мать той ненавистью, которая уже не пройдет и лишь будет прогрессировать, с годами превращаясь в мрачную необратимую ярость. Возненавидела из-за бабушки, из-за отца, из-за себя. Ничто так не отталкивает, как чье-то равнодушие. Даже презрение и злость не так разрывают душу, как полное безразличие той, кто должна была меня любить самой абсолютной любовью. Ведь должна! Я читала об этом в книгах. В многочисленных и бесконечных книгах, которыми наполнена наша библиотека. Мне было всего лишь восемь, а я глотала романы, которые с трудом могли осилить подростки. Мне ничего не оставалось, как читать много, запоем, взахлеб пожирать все, до чего дотягивались руки. Таким образом я могла уйти от внешнего мира. Стать кем-то другим. Кем-то, кем Алька Мельцаж быть никогда не могла и не сможет. С друзьями мне особо не повезло – мы жили слишком далеко от школы, предназначенной для детей важных государственных работников, и меня туда возил личный водитель через весь город, потому что это было престижно, а мать непременно должна была думать о своем престиже. Показуха всегда и во всем. Самым важным для нее было: «Что скажут люди?» или «Ты – дочь профессора Ярославской! Ты должна быть лучше всех в школе! Только посмей принести плохую оценку или замечание!»

Дети со мной особо не дружили, да и когда, если сразу после уроков Павел забирал меня и привозил в наш большой дом, принадлежавший еще моему покойному деду, тоже профессору и доктору наук, и находившийся почти на выезде из города, неподалёку от клиники. И вокруг всего несколько домов таких же врачей, как и моя мама, целиком посвятивших себя исследованиям в научном центре. Пока папа еще не слег, я проводила много времени с ним, потом с бабушкой, а теперь…теперь у меня никого не осталось. А ведь Софья Владимировна была в своем уме, и можно было нанять кого-то, чтоб ухаживали за ней у нас дома, но мать оставалась непреклонной в своем решении избавиться от ненавистной свекрови. Оставшись несколько раз одна дома, я взмолилась взять меня в клинику.

– Пожалуйста, мама. Я не помешаю тебе. Мне страшно одной в этом огромном доме.

– Включи свет и телевизор. Не выдумывай, Аля. Страхов нет, ты сама их себе нафантазировала. Надо посмотреть, что ты там читаешь. В конце концов, сделай

уроки.

– Я все сделала и даже наперед. Антон Осипович тоже задержался на два урока по фортепиано вместо одного… Я не могу уснуть, мама. Мне страшно. Здесь совсем никого нет. Когда ты приедешь домой?

– Мне некогда слушать твое очередное нытье. Ты взрослая девочка, найди себе чем заняться.

Она просто положила трубку. А я так и видела, как на ее невозмутимом лице не дрогнул ни один мускул, как поправила очки и, цокая каблуками, пошла в свою лабораторию. Я в настойчивой ярости набрала номер снова, а потом еще и еще. Наперекор ей. Пусть слышит, как трещит проклятый аппарат, пусть ей сообщают о моих звонках каждые пять минут. Но она ни разу мне так и не ответила, за что моя ненависть поднялась еще выше на одну ступень. Я швырнула аппарат на пол и побежала в комнату покойного отчима (я всегда называла его папой), обнимала любимую фотографию и рыдала на его кровати до самого утра, пока не уснула в спальне, пахнущей стерильной чистотой и уже давно утратившей его запах…запах улыбок и счастья, запах детства. Мое почему-то оборвалось именно тогда, когда его не стало и мы вернулись с похорон, а потом спустя несколько дней, перед тем как сесть в машину, чтобы уехать навсегда, моя бабушка поцеловала меня в макушку и тихо сказала:

– Алечка, ты взрослей, моя девочка. Взрослей. Ты все сумеешь и сможешь сама. Ты очень красивая, умная, талантливая и очень сильная. Ни за что музыку не бросай, никогда не бросай – ты станешь знаменитой, вот увидишь. У тебя на роду написано…мне карты все сказали. Прощай, моя хорошая.

Я бежала за машиной, вытирая слезы, а она махала мне сморщенной рукой через заднее стекло. Больше я никогда ее не видела – бабушка умерла через два месяца после папы. А мать всё же забрала меня к себе в клинику. Ей пришлось, так как меня и в самом деле стало не с кем оставить, а может, ей осточертели мои звонки и истерики. Я думаю, она не раз потом пожалеет об этом или возненавидит сама себя, хотя вряд ли такой человек, как моя мать, умеет ненавидеть. Скорее, презирать.

Едва я осталась одна в небольшой комнате, выделенной мне неподалеку от ее кабинета, то тут же бросилась к лаборатории, вспомнив о мальчике с глазами

загнанного волчонка и всклокоченными черными кудрями. Сняв туфли, я кралась туда на носочках, выглядывая из-за угла и прячась обратно, едва завидев медперсонал или охранников, а потом снова мелкими перебежками от стеночки к стеночке, пока не добралась до больших стеклянных дверей, которые оказались запертыми на ключ.

Неподалеку из соседнего кабинета доносились мужские голоса, и я заглянула туда, тут же отпрянув назад.

– Та оклемается он. Тот еще выродок живучий. Я боюсь его теперь. Ты видел, что он с Василичем сделал? Места живого на нем не оставил. Пятьдесят три колото-резаные в лицо и в шею. Психопат гребаный. Кто знает, что ему завтра в голову взбредет.

– Василич заслужил. Я б сам ему яйца оторвал, если б не грымза наша. Как жена с сыном приезжали, так мне и хотелось ему глаза повыковыривать, чтоб не смотрел на Лёлика моего.

Я сильно-сильно зажмурилась. Мама говорит, если плохие слова слышишь, нужно уши руками закрывать, а если скажешь, то срочно рот мыть с мылом и больше никогда не говорить.

– О мертвых или хорошо, или ничего. Давай лучше помянем доктора.

– У тебя есть?

– А то. Пошли к мне в подсобочку, я и огурчиков бочковых с погребка достал.

– А если сучка придет проверить?

– Не придет, у нее две операции сегодня, и дочка ее здесь.

Это они мою мать так обзывают? Захотелось кинуться на них с кулаками, но это означало себя обнаружить, и я не произнесла ни слова.

Юркнув за угол, когда они ушли, я подбежала к столу и стянула ключи.

Открыла стеклянную дверь и так же аккуратно заперла ее за собой изнутри. Прокралась ко второй толстой деревянной двери, ведущей в помещение для подопытных животных, и та оказалась незапертой, я толкнула ее двумя руками, пытаясь разглядеть в полумраке куда идти. Над стенами стояли клетки с собаками, обезьянами и разными грызунами, которые притихли, едва я вошла в помещение. Я медленно прошла мимо них, чувствуя, как щемит где-то внутри от жалости и невыносимо хочется их приласкать, но едва я протянула руку к одной из клеток с обезьянками, животное тут же метнулось в угол и задрожало. Потом я пойму, что они боялись тех, кто протягивают к ним руки, потому что они причиняют им невыносимую боль.

И я пошла к дальней двери, распахнутой настежь. Двери, за которой находился большой вольер из железной сетки, я бы назвала его клеткой. Шаг за шагом, склонив голову, я подходила все ближе и ближе, стараясь рассмотреть, кто там, и вздрогнув, когда засветились в темноте волчьи глаза. Подошла вплотную к клетке и присела на корточки, заметив фигуру мальчика на голом кафеле рядом со зверем. Волчица тихо зарычала, когда я коснулась клетки. А мне стало страшно, что она его загрызет или покалечит.

– Эй…мальчик. Просыпайся. Она тебя съест.

Он резко подскочил на полу, тут же став на колени, впиваясь пальцами в клетку, а я тихо всхлипнула, увидев длинный порез у него на лице от виска через всю щеку до самого подбородка. Раскрытый и все еще кровоточащий. Его явно избили, потому что глаза мальчика опухли и заплыли, он силился смотреть на меня тонкими щелочками, а мне показалось, что я сейчас громко закричу от обжигающего чувства внутри…это его боль ошпарила меня словно кипящим маслом, оставляя первые пятна на сердце. Вот оно – самое начало проклятия, когда я подцепила эту смертельную болезнь без имени и названия. Потом я всегда буду ощущать его страдания сильнее собственных, даже тогда, когда он будет истязать меня саму…но самое страшное, что я всегда буду знать, что эту боль мы делим пополам, она никогда не будет только моей или его. Она наша общая…и нет ничего прекраснее осознания этой адской взаимности. Но тогда я коснулась пальцами его пальцев, и он тут же отпрянул назад, а я вскочила на ноги и бросилась к шкафчикам с красными крестами, распахивая их настежь в поисках ваты, бинтов и спирта. Да, я знала, что делать с ранами, все-таки моя мать врач, и было время, когда я тоже хотела стать врачом, а отец, смеясь, учил меня лечить моих кукол и бинтовать им все части тела и даже зашивать раны. Когда я вернулась с медицинским железным лотком, доверху наполненным

ватой, с баночкой спирта и бинтами, мальчик все так же сидел, вцепившись руками в решетку, и внимательно следил за каждым моим движением.

Я отодвинула засов на двери и едва захотела войти, как на меня тихо зарычала волчица… а ведь я совсем о ней забыла, пока собирала медикаменты. Мальчик обернулся к ней, издав какой-то низкий утробный звук, и снова посмотрел на меня. Переступив порог, я остановилась, сжимая в руках бинты и глядя расширенными глазами на ошейник на шее паренька и на железную цепь, вкрученную в стену. Сразу я их не заметила.

И я вдруг подумала о том, что так нельзя обращаться с людьми и с животными нельзя…Я буду хотеть сказать матери об этом. Невыносимо буду хотеть. Но я слишком хорошо её знала – едва я признаюсь, что ходила в лабораторию, она сделает все, чтоб я сюда больше никогда не попала, вплоть до того, что отправит обратно жить в наш дом. Это была некая степень моего эгоизма – страх разлучиться с ним ценой его мучений и свободы. Возможно, расскажи я кому-то о том, что происходит за стенами исследовательского центра, у нас у всех была бы совсем иная судьба, но я этого не сделала. Мне такое даже в голову не пришло. Я возмутилась его ужасному положению, но ничего не предприняла, чтобы что-то изменить, и не предприму еще долгие годы, особенно когда пойму, что власти прекрасно знают об опытах над людьми и выделяют для этого средства, оказывая покровительство моей матери.

Решительно шагнув внутрь, я опять замерла, понимая вдруг, что нахожусь в клетке с двумя зверьми. Что мой новый знакомый на человека похож лишь внешне, и именно о нем говорили охранники – этот мальчик зарезал какого-то Василича. Но еще раз взглянув на лицо паренька, покрытое синяками, я подумала о том, что тот, несомненно, все это заслужил, и сделала шаг в сторону подростка.

Он мужественно терпел, пока я промывала раны перекисью и мазала спиртом, даже не вздрагивал. Потом я пойму, что по сравнению с той болью, которую нелюдь №113 терпел ежедневно, мои манипуляции с его раной казались всего лишь комариными укусами.

– Ты такой сильный и смелый. Я всегда визжала, когда бабушка мазала мне ранки зеленкой. Я часто падаю с велосипеда, не умею на нем кататься, сын нашего соседа говорит, что я неуклюжая тощая каланча, – два мазка по ране и снова в его страшные, заплывшие черные глаза с багрово-синими веками,

которые неотрывно смотрят на мое лицо так, словно не могут отвести взгляд. А я снова мазнула ваткой и подула, от этого движения мальчик резко отшатнулся назад и оскалился. Волчица зарычала вместе с ним, поднимая голову и навострив уши.

– Говорят, что так меньше щиплет. – тихо объяснила я, – Я всегда дую себе на ранки, когда мажу. Вот, хочешь, покажу?

Я закатала рукав платья и показала ему счесанный локоть, намазанный зеленкой.

– В школе с лестницы свалилась. Петька Рысаков, козел, столкнул, я ему за это портфель чернилами облила. Вот видишь, я тоже мазала и дула, и было совсем не больно. – я подула на локоть, и вдруг мальчишка тоже подул на него вместе со мной. Я засмеялась, а он вообще оторопел, глядя на меня не моргая. Тогда я наклонилась и подула на его рану снова. Теперь он не отшатнулся и даже глаза закрыл.

– Воооот. Я ж говорила – это приятно. А ты почему все время молчишь? Разговаривать не умеешь? А имя у тебя есть?

Он отрицательно качнул головой и вдруг снова смешно и очень серьезно подул на мой локоть, рассматривая рану, и я улыбнулась. Когда он это сделал, на душе стало так тепло. Сочувствие всегда порождает ответную волну эмоций.

– Ты хороший. – погладила его по голове. По жестким длинноватым, спутанным волосам, – Не знаю, почему они тебя так боятся. Наверное, ты плохо себя вел и тебя наказали. А родители у тебя есть? Где твоя мама?

– Ма-ма, – тихо повторил за мной мальчик и посмотрел на волчицу, она склонила серую голову с проплешинами и пошевелила ушами. Наверное, в том возрасте еще многого не понимаешь, но я больше не задавала вопросов, на которые он не давал мне ответов, что-то придумывала сама. А на что-то вообще закрывала глаза. Я хотела, чтоб он всегда был рядом со мной…я даже не задумывалась о том, что для него это означает вечную боль и неволю. Тогда еще не задумывалась.

– И то, что имени нет, это неправильно. У человека всегда должно быть имя.

Сунула руки в карманы и обнаружила в одном из них конфету.

– Хочешь половинку? Это «Красный мак», мои любимые.

Я протянула ему конфету, но он с опаской смотрел на нее словно на отраву.

– Не знаешь, что такое конфеты? –удивилась я, – Это очень и очень вкусно.

Развернула обертку и услышала, как издала какой-то звук волчица. Я посмотрела на мальчика, на пустую миску на полу, потом на нее и вдруг поняла, что они оба голодны. А я тут со своей единственной конфетой. Я разломала ее пополам, чтобы честно дать кусочек своему новому другу, а второй съесть самой. Мама редко баловала меня сладким – она считала, что от сладкого у меня испортятся все зубы. И эта конфета осталась еще с того времени, когда бабушка приехала из столицы. Она тихонечко выдавала мне по несколько конфет, и я прятала их в карманы, чтоб мама не увидела и не отобрала.

– Вот. Это тебе. – дала мальчику, но он не торопился брать лакомство, и тогда я протянула руку к его рту, – Положи под язык и соси ее – так дольше чувствуется вкус шоколада и сахара. Он, как песок, хрустит на зубах и катается на языке. Это тааак вкусно. Мммммм.

Внезапно парень забрал у меня конфету, резко стянув ее зубами с ладони, и теперь отшатнулась уже я. А он ее, не прожевывая, проглотил. Понимая, насколько он голоден, я протянула ему вторую половинку, но теперь он взял ее в зубы и на четвереньках переместился по клетке к волчице. Положил возле нее, она благодарно облизала ему лицо и вдруг навострила уши. Мальчишка тут же вскочил на ноги, кивая мне на дверь, чтоб уходила. Вдалеке послышались мужские голоса, и я быстро собрала вату, спирт, схватила лоток и, пятясь спиной, вышла из клетки, запирая ее на засов, а потом прильнула к ней лицом и тихо сказала.

– Александр… я назову тебя Сашей. Как Александра Грина, который написал мою самую любимую повесть «Алые паруса». Когда-нибудь я тебе ее расскажу. Теперь у тебя есть имя…Я вернусь к тебе завтра. Са-а-аша….

А ведь он тоже написал для нас с ним сказку. Жестокую, жуткую, сюрреалистическую сказку для взрослых. Он превратил мои алые паруса в кроваво-красные и утопил в океане боли после того, как вознес в самый космос, где я видела миллиарды разноцветных звезд-алмазов. Они же потом засыпали меня сверху, придавили как камнями, когда я с этого космоса упала в бездну и разбилась.

Глава 4. Ассоль

1990-е гг. Россия

Они стояли на подоконнике в обыкновенной стеклянной вазе – белые каллы с ветками спелой калины, туго связанные между собой обычной бечевкой и украшенные тонкой сероватой декоративной сеткой. Когда их внесли в гримерку, Аллочка уронила кисточку, которой водила по моему лицу, и побледнела.

– Что такое? – спросила я, устало поднимая веки.

– Это шутка какая-то. – пробормотала она, а я посмотрела на цветы в ее руках и почувствовала, как кольнуло где-то внутри. Обман зрения. С первого взгляда кажется, что лепестки забрызганы кровью, и лишь потом понимаешь, что ягоды оторвались и посыпались в чаши цветов, – Я выкину! Примета плохая. На похороны такие приносят! Черте что! – уже бормочет себе под нос, – Аж мурашки от них.

Я сама не поняла, как резко подорвалась с кресла и выскочила из гримерки, растолкав журналистов и телевизионщиков, взбежала на сцену с потухшим экраном, всматриваясь в темный зал. Потом обратно за кулисы, быстрым шагом, почти бегом на улицу. Каждый раз один и тот же сценарий – мне приносят цветы, я бегу в надежде успеть увидеть, кто их принес и, конечно же, никого не нахожу. Как будто получаю их от призрака.

Обхватила себя голыми руками, дрожа на холодном сентябрьском ветру в одном тоненьком платье, вглядываясь до рези в глазах в толпу поклонников, в машины и на прохожих за красивой оградой телецентра. Кто-то на плечи набросил пальто, и я рассеянно обернулась, встретилась взглядом с мужем, с трудом подавив возглас разочарования.

– Все нормально, любимая? Что-то случилось? – от фальшивой заботы оскомина на зубах мокрым песком.

Мгновенная улыбка на губах, взмах накладными ресницами и взгляд полный признательности, отрепетированный за долгие годы до совершенства, но такой же фальшивый, как и его забота.

– Все хорошо. Вышла вдохнуть свежего воздуха.

– Холодно и дождь идет. Ты можешь простудиться.

– Душно там стало, Вить, вот и вышла. Я пойду. Интервью скоро. Спасибо, что приехал.

Издалека послышались крики фанатов, толпа меня заметила, рванула ко входу, едва сдерживаемая охраной, и я тут же ретировалась обратно в здание, нажимая кнопку лифта и поднимаясь на этаж концертного зала, где проходила премьера моего последнего фильма «Одиночество», который «взорвал» критиков и свел с ума желтую прессу откровенными сценами и противоречивым сюжетом.

Распахнула дверь гримерки и тут же услышала голос Аллочки:

– Я их выкину, да? – она так и продолжила стоять с букетом в руках.

– Не тронь!

Я взяла цветы из ее рук. Сердце продолжало тревожно биться и дергаться. Я получала их каждый год. Получала всегда именно в этот день и независимо от того, где находилась. В прошлый раз у меня были съемки под Владивостоком в одной из деревень, а их все равно привезли с курьером. Ни одного магазина,

машины не ездят из-за размытых дорог, а мне букет этот на мотоцикле доставили. Я знала, от кого они. Знала и в то же время дрожала от одной мысли об этом. Нельзя вспоминать. Нельзя, иначе опять не смогу жить, есть, спать и дышать. Его не существует. Он умер. Даже если не умер по-настоящему, он умер для меня. Когда первый раз получила эти цветы, я закричала. Громко, истерически долго кричала, потом разбила окно, потому что в панической лихорадке не могла его открыть, и вышвырнула букет на улицу в грязь, под машины…чтобы через минуту выбежать босиком на дорогу и поднять его дрожащими, изрезанными разбитым стеклом руками из лужи, прижать к груди, закрывая глаза, тяжело дыша и всхлипывая от яростной боли, которая пронизала всю душу насквозь, прошла огненными иголками сквозь сердце…нашел.

Он меня нашел. И я вот я опять живая. Оказывается, все же живая, потому что внутри, под ребрами адски болит, невыносимо. Только по нему так болеть может, только с ним настолько живая, что лучше бы сдохла.

– Вазу принеси, – тихо сказала и попробовала выдохнуть. Не получается. Сердце сжалось, каждый удар в висках отдается судорогами и плетью по нервам. Я бы полжизни отдала за то, чтобы увидеть его снова. Один раз. Издалека. Просто увидеть, как он стоит где-то там в толпе зрителей с этими проклятыми цветами и смотрит в зал глазами чертового психопата, готового сожрать меня живьем в полном смысле этого слова. Да, он умел меня пожирать. Обгладывать до костей, обсасывать даже их без жалости, смакуя мою агонию наслаждения, испепеляя дотла, чтобы потом каждую отметину покрывать поцелуями, слизывая с нее капельки моего и своего пота.

Но, нет, сейчас он не позволит мне испытать облегчение, ему нравится истязать, напоминая о себе и не делая ни одного шага навстречу, но чтоб знала – он рядом. Знала и тряслась от ужаса. И за это я ненавижу его так же сильно, как и люблю. За то, что мучает. Не дает расслабиться. Напоминает о своем существовании и о нашем прошлом. Хочет, чтоб боялась. И мне страшно… я боюсь, что он исчезнет или что мне всё это кажется, и эти цветы от кого-то другого. Я слишком известная личность. Психопатов, жаждущих привлечь к себе мое внимание намного больше, чем один-единственный бывший…и я не знала, кто «бывший». Любимый? Любимых бывших не бывает. Бывший мой? И это тоже неправда – он навсегда останется моим, даже если забыл меня. Пальцы тронули горошинки калины. Красивая, огненно-кровавая и горькая до безумия. Как наша с ним страсть. Только горечь и боль. Только необратимость. Только смерть.

***

Вначале кажется, что это красные бусины. Крупные, блестящие, как лакированные… И мне становится страшно, что он их украл и что его за это опять будут бить. Мой сумасшедший. А потом понимаю, что это калина, на нитку нанизанная. Саша на шею мне одел… а у меня от счастья сердце сдавило тисками и не отпускает. Я никогда раньше такой счастливой не была, как с ним в этот момент… и не только в этот.

– Подарок, – в глаза смотрит, жаждет впитать мою реакцию, а у самого в уголках взгляда сомнение вспыхивает, не уверен, что понравится. Он его гасит, зажмуриваясь и тут же распахивая глаза, чтобы не упустить моих эмоций.

– Самый дорогой подарок…самый …самый. Спасибо, – лихорадочно по его лицу приоткрытым ртом, как же сводит с ума его запах и щетина колючая, от которой потом скулы саднит и губы щиплет, – все, что от тебя – бесценно. Вечно носить буду.

– Сгниют, – гладит по скулам и в глаза глазами своими черными смотрит. Прожигает насквозь. Он всегда мало говорит. Так мало. Но от каждого слова по коже мурашки бегут. Потому что для меня. С другими молчит. А со мной разговаривает, иногда такое мне шепчет, что щеки пунцовыми становятся.

– Засушу и спрячу, как и твое сердце. – в его губы ищущими голодными губами, закатывая глаза от наслаждения чувствовать его так близко, – Соскучилась по тебе за целый день, пока на учебе была, пока домой ехала. Минуты считала, секунды до встречи с тобой.

У него горячие губы. Кипяток. Сухие, искусанные и невыносимо горячие, а дыхание обжигает мне горло каждым рваным выдохом в рот, и я жадно глотаю этот кипяток судорожными глотками, ударяясь языком о его язык, с упоением позволяя впиваться в мой рот, терзать его в яростном исступлении, цепляясь пальцами за его жесткие угольно-черные волосы, прогибаясь под ним, под худым мускулистым телом, словно отлитым из жидкой ртути. Меня трясет в диком примитивном желании получить от него больше, чем поцелуи. Намного больше. С ним не стыдно и ничего не страшно. Потому что я ведь для него вся. Я знаю, что для него, и он знает. В глазах вижу блеск голодный и огонь бешеный,

когда смотрит на меня. Никогда и никто больше на меня так не смотрел.

Грудь под свитером налилась до боли, и соски трутся о шерсть, покалывают, ноют. Хочу, чтоб коснулся их, до безумия хочу. Хватаю его за руку и прижимаю к груди так сильно, что оторопели оба, разорвав поцелуй. И глаза в глаза, смотреть до секунды, когда воздух начнет вибрировать от приближающегося взрыва сумасшествия. В сарае холодно. На улице холодно, а мне горячо рядом с ним так, что капли пота на коже выступают от напряжения. И я шепчу ему в губы, мокрые от поцелуев, срывающимся голосом.

– Раздень…жарко мне. Сними…пожалуйста.

Простонал что-то еле слышно. Тянет мой свитер вверх, и лязгает цепь, возвращая на мгновение в реальность, где он зверь подопытный, и тут же вышибает из нее обратно в безумие очередным стоном, когда свитер отбросил на сено и ошалевшим взглядом на грудь мою смотрит с напряженными сосками и красными бусинами калины между ними.

– Прикоснись ко мне, – срывающимся шепотом, трогая его губы, пока он судорожно со свистом выдыхает и втягивает воздух, глядя на мою грудь и дрожа всем телом от возбуждения.

А потом трясущимися пальцами за бусы взялся и вниз повел от горла до ключиц, заставляя меня выгибаться навстречу, покрываясь мурашками. Цепляет напряженный сосок ниткой и заставляет меня всхлипнуть, когда раздавил ягоду, сжимая грудь сильнее, обхватывая дрожащей пятерней, и я в самом примитивном желании тяну его за волосы вниз. От сомкнувшихся на соске губ и касания языка пронизало током все тело, и ноги непроизвольно сжались вместе. И он сминает грудь уже сильнее, двумя руками, посасывая соски, кусая их в исступлении, давит ягоды жадным ртом и руками, а мои пальцы тянут его волосы, и тело выгибается навстречу ласке, извивается под ним. Хочется везде его руки чувствовать и губы. Везде, особенно между ног, где так горячо и невыносимо мокро, где от пульсации низ живота болит и зарыдать хочется. Чего-то более острого хочется, чтобы разорвало на части, а пока нас трясет обоих в дикой лихорадке.

Оторвался на мгновение, и мне холодно стало тут же, закусила губу, чтобы не закричать, не потребовать вернуть моё тепло обратно. Расфокусированным

взглядом в его лицо, вижу, как губы шевелятся, и голос тихий, срывающийся.

– Как солнца коснулся…Кожу обожгло, видишь?

Показывает мне ладони свои, я головой мотаю, а он губами по шее, вызывая новую волну мурашек.

– Они внутри, – зубами цепляет мочку уха, я вскрикиваю, и он рот мне закрывает ладонью, – ожоги. Они под кожей, – и снова на рот мой, не позволяя ответить, отстраняясь, обдавая жарким дыханием, – ты у меня под кожей.

Впервые так много говорит, но каждое его слово – это ласка, которая возбуждает сильнее прикосновений, хриплый шёпот заставляет взвиваться от страсти. Поцелуи со вкусом калины, горько-сладкие, огненные, звериные, и он наваливается сверху, придавливая всем весом, заставляя тереться голой грудью о его грудь, о жесткие волосы и твердые мышцы. Сминает меня жадными руками, пожирая поцелуями, и я трусь в изнеможении о его бедро между моих ног, содрогаясь от возбуждения, взмокшая, обезумевшая, как и он…пока вдалеке голос Степана не послышался.

– Эй, Бес, ты где, тварь проклятая, прохлаждаешься? Тебе кто позволял в сарай идти, ублюдок?

И я прячусь за сеном, пока охранник бьет его по спине цепью, выгоняя из сарая, а я на каждом ударе губы кусаю и вздрагиваю так, словно меня бьют, словно моя кожа лопается и по моему телу кровь течет. Из-за меня бьет. Потому что ко мне сбежал и работу бросил. Ненавижу мразей. Ненавижу всех. И мать свою ненавижу. Когда-нибудь Саша сбежит от них. Мы вместе сбежим. Никто нас не найдет…Никто.

Всхлипываю, отыскивая ягоды в сене, собирая в кулак и не видя ничего из-за слез.

***

Они все у меня в шкатулке засушенные лежат. Их сорок девять штук тогда осталось и больше ничего от него, кроме них и воспоминаний.

– Не нужно, я сама! Никакого трёхкилограммового грима!

Отобрала расческу у Аллочки и повернулась к зеркалу, проводя по волосам и глядя сквозь свое отражение в зеркале в никуда. Тело еще покалывает от воспоминаний, и на губах калина горчит.

– У вас синяки под глазами и бледная кожа, а на вас вся страна смотреть будет. Иван Федорович разозлится…

– Плевать! Не разозлится. Не то я разозлюсь и откажусь давать это интервью. Я болею. Я вообще не в форме.

– Не болеешь, а в очередной депрессии, – послышался голос продюсера, который вошел в гримерную и прикрыл за собой дверь, – Аля, у нас пятнадцать минут до эфира. Народ ждет. Тебя хотят видеть. Под окнами телецентра толпы людей с плакатами с твоим именем. Сейчас не время впадать в очередную хандру. Я обещаю отпуск после этого интервью. Обещаю.

– Ты мне этот отпуск несколько лет обещаешь. Ничего не хочу больше. Устала я. К дьяволу кино! Интервью эти. Все к такой-то матери! Уехать хочу. Все бросить и уехать.

Сдохнуть хочу, но этого я вслух не сказала. Поднесла ко рту сигарету, и Иван Федорович тут же чиркнул зажигалкой. Меня замутило от резкого запаха его одеколона и удушливого дыхания с парами коньяка. Отшатнулась и встала с кресла, чтобы подойти к окну и стать рядом с цветами, распахнуть окно настежь, подставляя лицо порывам ветра и мелким колючим каплям дождя.

– Аля, девочка моя, ты же талант. Сыграй для них, как ты умеешь. Через не хочу. Что ж ты мне каждой осенью нервы треплешь? И мне, и Виктору. Это нужное интервью. Тебе нужное и нам всем. За рекламу уже заплатили серьезные люди. Ты же знаешь, сейчас не время для хандры. Соберись и иди к людям.

Я руку его оттолкнула, сбрасывая с плеча.

– Допинг дай и выйду, если тебе так надо.

Иван Федорович лихорадочно осмотрелся по сторонам.

– Что ты так громко! Не нужно кричать. С допингом завязывать надо, Алечка. Без него тоже можно продержаться.

– Я не хочу без него. Или давай, или иди к черту – я домой поеду.

Вложил пакет с белым порошком мне в ладонь и прошептал на ухо:

– Только чтоб Виктор не узнал, я ему слово дал, что не принесу тебе больше.

Я расхохоталась, глядя Ивану в глаза через стекло:

– Слово дал? Ему? Думаешь ему не наплевать? Показушник чертов, да по фиг ему, что я нюхаю, даже если колоться стану, он вначале просчитает, сколько денег я приношу и трачу, и только потом подумает, сдохну я или нет. Иди, Иван. Я скоро в форме буду. Мне пару минут надо.

Дверь захлопнулась. А я снова к цветам прикоснулась, несколько ягод сорвала и в рот сунула, разжевывая и глядя на свое слабое отражение в стекле. Потом разорвала пакет с кокаином насыпала на запястье и втянула в себя, сжимая переносицу двумя пальцами и закатывая глаза от сильной щекотки и от покалывающих искр удовольствия, растекающихся от кислой горечи из носоглотки по всему телу. Последние годы бывали дни, что только так могла на сцену выйти, только так не думала ни о чем. Отвлекалась от ощущения невыносимого, отчаянной тоски по нему, от понимания, что я мертвая уже давно. Что нет меня с тех пор, как не вместе мы. Не я это совсем. Другой кто-то с моим лицом улыбается, а я не умею улыбаться, жить, дышать без него не умею. За столько лет так и не научилась.

«А ты все-таки нелюдь, Саша, ты меня живьем разлагаться оставил. Лучше бы задушил или сердце вырезал. Как охранникам тем. Намного гуманней бы было».

Когда вышла к журналистам, тут же защелкали фотокамеры, а я улыбнулась и помахала рукой зрителям, поворачиваясь в разные стороны и посылая им

воздушные поцелуи.

– Какая она красавица!

– Ослепительна! Звезда! Богиня!

– Али-и-ин-а-а-а! Я ради вас спрыгну с крыши!

Я села в мягкое кожаное кресло. Поправляя волосы и поднимая глаза на ведущего, который тут же судорожно сглотнул, отрывая взгляд от декольте моего платья. Константин Морозов – смазливый кобель, перетрахавший все, что движется, и не останавливающийся на достигнутом. Последняя любовница, известная певица старше его на тридцать лет, вознесла Морозова до невиданных высот, откуда он вещал своим тенором речи с претензией на сарказм и оригинальность, поправляя длинные пряди волос за ухо. Вот и сейчас он явно старался произвести впечатление:

– Алина Бельская – молодая актриса, но ее имя известно нам всем уже давно. Она взрослела на наших глазах, превращаясь из юной девушки в невозможно красивую женщину. В талантливую, ослепительно красивую и востребованную актрису Российского кинематографа. На ее счету участие в таких фильмах, как "Анна Каренина", "Гамлет", "Война любви" и, наконец, скандальная картина "Одиночество", премьера которой состоялась сегодня в нашем зале и собрала рекордное для нашей страны количество зрителей. Кроме того, Алина играет в театре, где ее успех так же ошеломителен, как и в кино.

Он говорил, а я смотрела на него и думала о том, что меня раздражает эта наигранная улыбка и этот маслянистый взгляд, которым он шарит по моему лицу и телу, явно вспоминая откровенные кадры из фильма и смакуя их про себя. Я отвечала на вопросы, как робот, робот, запрограммированный на определенные слова, эмоции, улыбки. Зал рукоплещет, ведущий в восторге и, кажется, уже думает о том, а не взять ли ему у меня номер телефона или не дать ли мне свой. Он хочет убить двух зайцев сразу – переспать со мной и, возможно, получить свою первую роль. Петь он уже пробовал, теперь хочет сниматься в кино.

В конце вечера кто-то принес совершенно чистый конверт и в прямом эфире отдал ведущему, который тут же расплылся в улыбке и помахал этим конвертом перед камерой.

– И самый главный сюрприз сегодняшнего вечера. Конечно, же мы не забыли, что у вас день рождения и для вас приготовлен подарок. Нашей студии сообщили о возможном сотрудничестве, и мы были, мягко говоря, в шоке. Так что же прячется в этом конверте? Приглашение от известного, талантливого американского режиссера и продюсера Френка Карреллы на съемки его нового фильма «Остров смерти». Пробы будут проходить через несколько недель. Поаплодируем такому грандиозному успеху! Впервые российская актриса будет сниматься у голливудского режиссера в главной роли. У меня даже нет сомнений, что пробы пройдут успешно.

Я почти его не слышала. Взяла конверт, продолжая улыбаться и принимать поздравления. Конечно же, Морозов дал мне свой номер и шепнул на ухо, что будет ждать моего звонка, на что я ответила презрительной улыбкой.

– А я не слишком молодая для тебя?

Его глаза удивленно расширились, а я похлопала его по плечу.

– Позвоню лет через десять, если номер не сменишь.

Уже у себя дома, когда положила конверт на комод и с облегчением сбросила туфли с ног, услышала, как зазвонил телефон. Сняла трубку, расстегивая змейку на юбке.

– Аля, включай телевизор – Морозов только что разбился на машине насмерть.

Я схватила пульт от телевизора и включила первый канал, где уже шел экстренный выпуск новостей:

– Всего лишь полчаса назад наш коллега и талантливый журналист и ведущий Константин Морозов погиб в страшной аварии. Его машина упала с моста…Следствие пока…

Я сделала тише звук и села на диван, беря в руки конверт и глядя, как горничная ставит букет калл в воду. Несколько ягод калины выпали и покатились по белому ковру прямо к моим ногам.

– По предварительным данным, в Морозова стреляли перед тем, как он потерял управление и, врезавшись в столб, вылетел с моста в воду. Еще один журналист подло убит…

Я даже не подняла голову, увлеченно катая босой ногой ягоду по ковру, пока не раздавила ее и сок не брызнул в разные стороны, пачкая ковер кровавыми пятнами.

Глава 5. Бес

1980-е гг. СССР

На её губах играет довольная улыбка. Красивая. Я впервые замечаю, насколько она красивая. Раньше я не задумывался об этом. Раньше она олицетворяла для меня само Зло. А зло не принято рассматривать. Его не принято разбирать на составляющие, иначе можно свихнуться от новых вопросов, от ощущения безысходности, когда так отчаянно ищешь ответы, а они всё дальше, и с каждым новым шагом страшнее найти конец нити, скрученной в этот клубок. Страшнее, потому что со временем начинает казаться – по ту сторону не конец веревки, а острые лезвия, которые вонзятся в твою грудь, стоит достичь их.

Монстр. Она слегка хмурится, не поднимая на меня своих глаз. Я знаю их цвет, но я готов выгрызть любому кадык, только бы не признавать, что у её дочери такие же глаза. Ни хрена. У моей девочки глаза живые, искренние, при взгляде на которые хочется дышать и в то же время адски тяжело сделать вздох. Та самая красота, от которой физически становится больно. Ассоль читала мне об этом в своих книгах.

«– Больно смотреть?

– Да. Но это просто оборот речи. Когда писатель хочет передать, насколько красив герой или героиня.

– Так не бывает?

– Конечно, нет, – она смеётся, и её белозубая улыбка полосует сердце надвое. Качаю головой, протягивая руку и касаясь нежной щеки костяшками пальцев. Как же она ошибается.

– Бывает.

Опускает глаза, но я успеваю заметить, как они вспыхнули от удовольствия, и по щекам разлилась краска смущения.»

И мне было действительно больно смотреть на неё. Это когда в груди всё сжимается и начинает покалывать под кожей, потому что она рядом. Кажется, прикоснётся – и я сдохну, свалюсь мешком с костями возле её маленьких ножек.

Если бы я знал, что не сдохну…что захочу прикасаться ещё и ещё. Сам. Волос её тёмных, шелковистых, волнистых. Она собирала их в хвостик или косичку, а я обожал распутывать их пальцами, слушая, как сбивается её голос, пока читает мне очередную свою книгу.

– Валечка, показатели в норме, сделаешь сам последний анализ крови и дашь мне последние данные по компонентам. Внедрение прошло успешно.

Валентин кивает, поправляя пальцем очки, а я медленно выдыхаю, сдерживая приступ тошноты. Какую-то дрянь мне впрыснули в вены. Плевать. Я привык. Чтобы отвлечься, посмотрел на Снегирёва.

По похотливому взгляду видно, что мечтает эту суку трахнуть. Хотя то, с каким хозяйским видом глядит вслед профессору, пока она заученными до автоматизма движениями снимает перчатки и кидает их в мусорное ведро, говорит, что, наверняка, уже отымел этого монстра. Причём не раз, потому что взгляд у ублюдка далеко не щенячий, восторженный, с каким на неё смотрел когда-то местный лаборант, а довольно уверенный. Да и запах её я на нём

ощущаю. Устойчивый такой, словно покрывал сутки напролёт. По телу дрожь омерзения прошла. И непонимание – как можно было мразь такую захотеть.

И тут же словно обухом по голове: а ведь ты сам хочешь. Ты, мазохист несчастный, до одури, до дрожи в пальцах дочь её хочешь. Когда смотришь на неё, крышу напрочь сносит, так, что теряешь чувство пространства и времени. А ведь Ассоль копия своей матери. Ведь ты запретил ей собирать волосы в пучок, потому что слишком тогда суку эту напоминает.

И всё же настолько отличается, как отличается чистое синее небо от грязной земли. Всю жизнь не смел поднять голову с земли, а когда рискнул – едва не ослеп от красоты, раскинувшейся над головой.

Я не знаю, как так получилось, что я перестал смотреть на неё, как на своё солнце, и захотел не просто любоваться им каждый день, греясь в тепле его лучей…как так получилось, что стало жизненно необходимым поймать их в ладони, прикоснуться, чтобы осатанеть от этой близости.

Я не знаю, как стал хотеть чего-то большего, чем просто слушать её голос, тихим шёпотом рассказывающий что-то о школе или друзьях, как стал желать встречи с ней, словно одержимый, словно помешанный наркоман ждёт очередной дозы. Я её выгонял. Когда понял, что подсаживаюсь на неё, что начинаю сходить с ума, если она не появляется два или три дня подряд. Она приходила, улыбалась, а мне шею ей свернуть хотелось. За то, что забыла обо мне так надолго. Я не умел считать, но я знал, что солнце за это время успевало встать три или пять раз и снова спрятаться в ночи.

Она хваталась за меня тонкими горячими пальчиками, а я отдергивал руки, чувствуя, как обжигает меня ими. А ведь я себе придумал, что за эти ночи мои ожоги, те, что внутри, уже начали заживать. Бред. Они пульсировали в дикой агонии, как только она, нахмурив изящные брови, снова нагло стискивала мои пальцы, не отпуская, не позволяя отойти в дальний угол камеры. Закрывала за собой дверь и, осторожно ступая, подходила ко мне.

Сунув руку в маленькую сумочку на длинной веревке, которую она носила через плечо, Ассоль вытащила пирожок и протянула волчице, уткнувшейся в её ладонь носом. Угощает Маму, гладит её по холке, а сама глаз с меня не сводит.

– Ты обиделся?

Качая головой, усаживаюсь на пол, прислоняясь к стене спиной. Прикрыл глаза, но продолжаю следить за ней из-под ресниц. Как же тяжело даже вдох сделать рядом с ней. Кажется, лёгкие воспламенятся сейчас. Пытка в такой близости от неё и ещё большая пытка быть вдалеке.

А она чувствует, не подходит близко. Не боится, я знаю, но и давить не хочет. Правда, упрямая настолько, что, пока не выяснит, почему трясёт меня от злости, не уйдёт.

– Саш…

Имя, которое она дала мне. Почему, дьявол его подери, оно таким правильным кажется, когда она его произносит? Единственным правильным. Теперь я знал, как оно может звучать в других устах…мне не нравилось кстати. Чужим, не её голосом, оно казалось странным, каким-то некрасивым. Не моим.

– Она говорит, мне идёт это имя.

Не знаю, почему сказал это. Может, потому что делиться с ней привык всем. Всем делился, кроме своей боли. Рассказывал обо всём, что происходило вокруг, кроме опытов над собой. Хотя…обычно мои рассказы заканчивались или историями про волчицу или про то, как я довёл до бешенства профессоршу или же покалечил охранников.

Ложь. Отвратительно наглая ложь. Проверить захотелось, как она отреагирует. Заденет ли её, что с другими общаюсь. Будет ли выворачивать так, как меня выворачивало каждый раз, когда приходила и рассказывала про друзей своих,

про прогулки на теплоходе и походы в кино. Особенно когда рассказала, что такое кинотеатр, и как близко там люди друг к другу сидят. Она с восторгом в зеленых глазах мне про фильм, про любовь главных героев, а меня изнутри колотить начинает от ненависти к её одноклассникам, с которыми ходила туда. И словно по венам лезвием осознание, что мне этого не светит. НИКОГДА. Ни шагу за пределы грёбаной территории. НИКОГДА. Ни мгновения за руки прилюдно. НИКОГДА. Ни обнять, ни поцеловать. НИКОГДА. Ничего из того, что женщины мои мне рассказывали.

И сердце тут же встрепенулось и замерло, отказываясь верить, надеяться, когда она вдруг резко взглянула на меня, хрупкая ладонь замерла на голове волчицы. Мгновение молчания, и она убирает руку, стискивает пальцы.

– Кто?

Она знает, что я никогда не разговаривал с сотрудниками лаборатории. Они даже не знали, что я умею разговаривать, считая, что лишь способен производить животные звуки. Они не знали, что к этому времени Ассоль научила меня писать моё и её имя, и теперь мы изучали остальные буквы алфавита. И она не была дурой, она знала, что в лаборатории в соседнем крыле находились палаты с женщинами. Те самые, из которых меня переселили после инцидента с мразью Василичем. Те самые, в которые теперь водили, словно племенного кобеля на вязку.

– Инга. Говорит, идёт почти так же, как Бес.

Она не знает её имени. Нам стирали не только прошлое, нам стирали имена. Но теперь они рассказывали мне. То недолгое время, что я с ними был. О своей жизни, о семье, об имени. Словно если молчать, это всё исчезнет, как сон, и останется только наш кошмар.

Ассоль кивает молча. Дёргано как-то. И я настораживаюсь. Ощущение, что ей не нравится это. Не нравится, что я рассказал нашу общую тайну, тайну моего имени другому человеку? А мне хочется, чтобы по другой причине, и я ещё дальше иду.

– Правда, она зовёт меня Александр.

Смотрю, не отрываясь. Мне хочется увидеть в её глазах ту же боль, которую я ощущаю, слушая о её знакомых. О тех, кто рядом с ней за партой, в классе, в магазине, в парке, в театре. О тех, разговоры с кем не опозорят её, не рассердят ее мать, не вызовут осуждения. О тех, кем мне никогда не стать для неё.

– Говорит, это имя пол…полка…

– Полководца, – Ассоль опускает голову, разглядывая носки мягких голубых кожаных туфель, – И часто ты с ней видишься?

Я пожимаю плечами. Я, правда, не знаю, часто ли это? Поначалу я вырывался из рук охранников, пытаясь сбежать, не делать того, что они заставляли. Я знал, чего они хотели от меня. Не был полным идиотом, не раз наблюдал за процессом, прикрывшись старой ветошью, которая валялась грудой тряпья в вольере волчицы. Подсматривал за тем, как по коридору шёл связанный крепкий мужчина с пустым взглядом и абсолютным безразличием на лице. Он разворачивал спиной к себе любую из тех женщин, на которую ему указывали, даже если они отбивались и кричали, и насиловал. Быстро. Безэмоционально. Со временем женщины теряли надежду и так же отстранённо принимали участие в процессе. Брыкались только новенькие. Затем приходило понимание – тот, кто их брал, был таким же невольником, как и они сами. И получал удовольствия не более них. Только физическое. Правда, что оно значило по сравнению с тем унижением, которому он подвергался? Выбора не было: или он послушно покрывал всех «самок», или умирал в мучительной агонии от препарата, который ввели бы ему кровь.

Откуда я знал? Мне предложили то же самое. И даже после этого я плевал в лицо охранникам, пытаясь сбежать, пока меня не оглушили чем-то в очередной раз…а потом я очнулся с диким стояком, от которого разрывало тело. С похотью, концентратом нёсшейся по венам. И можно было сколько угодно сопротивляться…но я проиграл.

– Саш, – её голос приводит в чувство, возвращает в реальность, её голос ещё долго будет моим единственным маяком, который удержит, не даст утонуть…и он же потом беспощадно станет тем самым камнем на шее, не позволившим всплыть с грязного мутного дна, – как часто ты видишься с Ингой?

– Я не знаю, – шаг ей навстречу, и она выпрямляется, напряжённо глядя в моё лицо, – с тобой…редко, – лбом прислониться к её лбу, – очень редко, – глубоко вдохнув запах её кожи. Летом пахнет. Цветами полевыми. Не знаю, почему так решил. Никогда на улице не был и цветов не видел. Но она читала мне о них, и я именно таким и представлял их аромат.

Судорожно сглотнула, а у меня у самого в горле дерёт от сухости. А когда руки положила на мои плечи, дёрнулся всем телом, ощущая, как кожа нагревается под её ладонями.

– Экзамены были, – закрывает глаза, приподнимаясь на цыпочках, – не могла приехать сюда. Все эти дни.

Медленно отстранился от неё, и наклонился к ней, чувствуя, как изнутри что-то чёрное, что-то страшное рваными волнами поднимается.

– Где спала? – распахнула глаза, а у меня это чёрное по стенкам желудка вверх, впиваясь когтями острыми в мясо, – Все эти дни.

– У Бельских. Мама договаривалась с Ниной Михайловной, мы с Витькой готовились вместе. Саша?

Кивнул, отступая назад и отворачиваясь. Чёрное в грудную клетку лезет, бесцеремонно крошит кости щупальцами своими.

– Уходи, – замолчал, ожидая, когда выйдет из вольера. Когда оставит наедине с чернотой, вонзающейся клыками уже в глотку.

– Почему? – в её голосе изумление и обида. А мне расхохотаться хочется. И в то же время вытолкать из клетки, чтобы не смела дразнить своим присутствием. Не

смела вызывать вот это жуткое желание придушить.

Сама мне десятки раз про Витьку Бельского рассказывала. Одноклассник её. Сукин сын, с которым и в кино, и на вечер танцев, и в гости. Сама придёт после таких праздников и с горящими от возбуждения глазами мне про него и не видит, что за каждое его имя её голосом прибить её хочется. Выть хочется. Потому что всё ему. Ужин – ему, танцы – ему, игры – ему…а мне жалкие крохи. Рассказы-объедки с послевкусием разочарования. Мне ничего! Только желание зверем взреветь от боли, которая внутри разливается кислотой и крушить всё вокруг, кулаки об стены сбивать, шёпотом с её именем на губах.

– Не уйду.

Уверенно. С вызовом. И я резко разворачиваюсь на пятках, чтобы к стене её пригвоздить за плечи.

– Уходи, я сказал, – сквозь зубы, вздрагивая от того, как на губы мои посмотрела и свои облизнула.

– Выгони.

Тихо, так тихо, что не слышу – по губам читаю, и злость ответной волной.

– Выгоню. Проваливай.

– Послушный, – кивнула и руки вскинула вверх и за шею мне завела, – тогда поцелуй.

Смотрю на неё расширенным глазами и вижу, как в её зрачках моё отражение плещется. В темном болоте взгляда с поволокой страсти. Подалась резко вперёд и остановилась у моих губ, у самой дыхание рваное, частое, и мне кажется, я грудью чувствую, как её сердце бьётся. О мою грудь бьётся испуганной птицей.

На ресницы её – дрожат, отбрасывая тени на побледневшее лицо. Инстинктивно повторить вслед за ней движение, чтобы прильнуть к её губам своими и тут же отстраниться ошеломлённый.

Смотрит на меня округлившимися глазами, приложив ладонь ко рту. Снова ждёт чего-то. А у меня в голове каша, перемешалось всё. Выгонять уже не хочется. Вообще выпускать не хочется никуда. Чего-то большего хочется. Того, что не испытывал ещё с другими.

– Мокро?

Спросил серьезно, а она рассмеялась вдруг растерянно, и меня повело. От желания ещё раз ощутить её губы под своими. Впился в них…и застонал, когда позвоночник разрядом дичайшего возбуждения прострелило. Пальцами в волосы её зарылся, а самого колотит от того, как к телу моему прижимается и как поддается, подставляет губы. Так сладко. Никогда не думал, что это так сладко может быть, что наизнанку вывернуть может от простого прикосновения к губам.

– Са-ша, – дыхание сбивается, а я, дорвавшись до неё, губами вкус её кожи собираю. Со щёк, с глаз, снова с губ, растворяясь в них и растворяя её с собой.

Наш первый поцелуй. Потом их будет сотни. Потом будут откровенные ласки. Потом будет секс. Но ничто не сравнится с тем самым, первым. Когда вдруг понял, что не только смотреть могу, но и обладать. Когда вдруг понял, что мне принадлежит.

Глава 6. Ассоль

1980-е годы

Ключи я тогда так и не вернула. Слышала потом, как мать уволила одного из охранников за то, что потерял их. А я злорадствовала. Позже я буду устраивать

им самые разные козни, чтоб избавиться от надзора и спокойно пробираться в лабораторию. Я начала приходить туда по вечерам, когда везде выключали свет, и мать уходила в операционную или в другой корпус, а охранник или спал, или смотрел маленький телевизор у себя в подсобке.

Долгое время меня встречали рычанием и полным игнорированием. Волчица щетинилась, а мальчик сидел у стены и даже не думал обращать на меня внимание. Мне казалось, я его раздражаю своим присутствием. Разговаривать со мной он либо не хотел, либо не умел. Но мне и не нужно было – я разговаривала с ним сама. Наконец-то кто-то просто меня слушал. А он слушал, я точно знала. Потому что стоило мне замолчать, как мальчик поднимал голову и смотрел на меня своими очень темными глазами из-под лохматой челки. Словно ожидая продолжения. И в то же время мне казалось, что я прихожу напрасно, что он не хочет этих встреч. Не хочет, чтобы я врывалась в его узкий мир, ограниченный клеткой, и мешала ему быть никем, мешала упиваться ненавистью и болью. Просто я тогда понятия не имела, что этот мальчик со взглядом зверя пережил в своем заключении столько всего, что мне и не снилось, и ни в одной книге таких кошмаров не прочтешь. Он испытал и делал то, что ребенку делать и знать не положено…но об этом я узнаю намного позже. Это только с виду он выглядел юным, и наша разница в возрасте казалась мне не такой уж и большой. Между нами была пропасть такой глубины, что не видно краев и дна. Моя наивность и его искорёженная психика и извращенное понимание о нормальности не вязались вместе.

Я приносила ему еду. Первое время он не брал и с опаской смотрел на бутерброды с колбасой и овощи. Потом я поняла, что он их никогда раньше не видел. Его кормили липкими кашами-похлебками и кусками вареного мяса, а еще он мне не доверял настолько, чтоб взять у меня еду.

– Это вкусно. Правда. Я их специально тебе оставила.

Протянула руку, но мальчик не взял хлеб, и тогда я надкусила и с полным ртом пробормотала:

– Вкусно. Мммммм. Точно не хочешь?

Протянула еще раз, и теперь он отобрал у меня хлеб и набросился на него, словно одичалый зверь, набивая полный рот и давясь. Позже я учила его есть

нормально и говорила, что так может глотать только его Мама, а он – человек и должен кушать аккуратно и культурно. Позже я начну приносить ему ложку и вилку, учить пользоваться ножом и салфетками. Позже я буду отдавать ему все, что знаю и умею сама, а он будет жадно пожирать знания с диким любопытством и какими-то нечеловеческими способностями ко всему, что даже мне давалось с трудом. Наверное, это и были результаты тех опытов, что проводили над ним – его гениальность, поражавшая меня до онемения, когда он будет решать для меня математические задачи для старших классов и высчитывать формулы по химии и физике. Когда научится читать и уже через пару лет станет делать это сам и быстрее, чем я. Когда выучит несколько языков, только чтоб доказать мне, что он это может, а значит, и я могу выучить свой несчастный французский и сдать без проблем экзамены. Возможно, эта страсть к знаниям развивалась из-за того, что он жил в вечном заключении, в постоянной тоске и одиночестве, и его единственным другом, гостем, учителем всегда была только я – источник информации, удовольствия и эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/nelyud

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить